

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГЕРМАНИЯ

ГЕЙНРИХ фон КЛЕЙСТ

HEINRICH von KLEIST

1777—1811

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. ЗОРГЕНФРЕЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В С Е М И Р Н А Я Л И Т Е Р А Т У Р А

ГЕЙНРИХ фон КЛЕЙСТ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ II

**ПЕРЕВОДЫ ФЕДОРА СОЛОГУБА
и А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ**

П Е Т Е Р Б У Р Г — М С М Х Х I I I — М О С К В А

ПЕНТЕСИЛЕЯ

PENTHESILEA

ТРАГЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пентесилея, царица амазонок.

Протоэ
Мероэ } знатные амазонки.

Астерия
Верховная жрица Дианы.

Антилох
Ахилл } греческих народов .

Одиссей царь

Диомед

Греки и амазонки.

Место действия: поле сражения близ Трои

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Появляются Одиссей и Диомед с одной стороны, Антилох — с другой,
за ними свита.

АНТИЛОХ.

Привет, цари! Что нового с тех пор,
Как виделись при Трое мы недавно?

ОДИССЕЙ.

Да плохо, Антилох. Ты видишь, здесь
Сошлись греки с ратью амазонок,
Два войска, словно два несытых волка,
Клянусь, не знают сами для чего!
И если силой гнева Марс иль Делий
Их не уймут, и если громовержец
Их не разгонит блеском горних молний,
То разъяренные все будут падать,
Зубами будут глотки рвать друг другу.
Подайте воду в шлеме!

АНТИЛОХ.

О, стихии!

Чего же нужно этим амазонкам?

ОДИССЕЙ.

Приняв совет Атрида, мы пошли.
Соединив отряды мирмидонян,
Ахилл и я; был слух, Пентесилея
Из скифских дебрей поднялась, и войско
С собою повела — одетых в кожи
И пьяных жаждой боя амазонок —
Через ущелья гор, чтобы избавить
Царя Приама в Трое от осады.
На берегу Скамандра слышим мы,
Что Деифоб, Приама сын, с отрядом

Своим из Илиона также вышел,
 Чтоб дружеский привет воздать царице,
 Идущей им на помощь. Мы спешим
 Тогда бегом, чтоб этих супостатов
 Нечистому союзу помешать.
 Всю ночь мы шли извилистой тропюю.
 Но как мы изумились, Антилох,
 Когда в лучах зари, еще не яркой,
 В долине перед нами увидали
 Троянцев Деифоба в битве с войском
 Наездниц яростных! Пентесилея,
 Как ураган, что тучи в небе мечет,
 Ряды троянцев гонит пред собою,
 Как-будто хочет их с лица земного
 Смести и отогнать за Геллеспонт.

АНТИЛОХ.

Клянусь богами, странно!

ОДИССЕЙ.

Мы собрались,
 Чтоб путь пресечь троянским беглецам:
 Они неслись как шумная лавина,
 Мы копья сдвинули стеной сплошною,
 И в этот миг смутился Приамид.
 Посовещавшись быстро, мы решили
 Приветствовать царицу амазонок.
 Победный бег она остановила.
 Что б лучше мы могли тогда придумать?
 Афина, если б я ее спросил,
 Сама бы мне иного не шепнула.
 Должна, клянусь Гадесом, эта дева,
 Вооруженная и в нашу распря
 Попавшая внезапно, словно с неба,
 Вступить в наш спор, за нас или за них;
 И счесть ее должны мы другом, если
 Она врагом для тевкров оказалась.

АНТИЛОХ.

Клянуся Стиксом, лучше не придумать!

ОДИССЕЙ.

Так вот, нашли мы скифскую царицу,
 Ахилл и я. Воинственно ликует,
 Окружена толпою амазонок,
 Вооруженная, в пернатом шлеме.
 Колыша золото и пурпур кистей,

Ее скакун копытом роет землю.
 Задумавшись, она на войско наше
 Пустых очей мгновенный взор метнула,
 Как-будто перед нею были камни.
 Вот здесь моя ладонь вещает больше,
 Клянуся в этом, чем ее лицо.
 Но вот она взглянула на Пелида,
 И вдруг румянец хлынул ей до шеи,
 Лицо окрасив, словно вокруг нее
 Весь мир огнем сияющим зарделся.
 Взглянувши мрачно на него, царица
 Стремительным движением на землю
 С коня сошла, передала поводья
 Своей прислужнице и нас спросила,
 Зачем мы так торжественно пришли.
 Я ей сказал, как были рады встретить
 Мы, аргивяне, в ней врага троянцев,
 Какая злоба против Приамидов
 Горит в сердцах у греков, как полезно
 И нам, и ей вступить в союз для брани,
 И все, что мне минута подсказала.
 Но с изумленьем вижу, что царица
 Меня не слушает. Ее лицо
 Одно лишь удивленье выражает,
 Как-будто ей шестнадцать только лет,
 И с олимпийских игр она уходит.
 Своей подруге, близ нее стоящей,
 Кричит: „Такого мужа, о Протоэ,
 И мать моя, Отрера, не встречала!"
 Подруга смущена, молчит. Ахилл
 И я с улыбкою переглянулись.
 Она покоит опьяненный взгляд
 На светозарном облике эгинца.
 Когда ж он скромно подошел, она
 Вдруг вспомнила, что мне не отвечала,
 Пыланьем щек — то стыд ли были ль ярость—
 До пояса свой панцырь озарила
 Смущенная, но гордая дикарка
 И мне сказала, что Пентесилея
 Передо мной, царица амазонок,
 И что ответ пришлет мне из колчана.

АНГИЛОХ

Так, слово в слово, передал гонец,
 Но в целом стане греческом не понял
 Его никто.

ОДИССЕЙ.

И вот, совсем не зная,
 Что думать нам об этом приключенья.
 Мы, оскорбленные, идем обратно.
 Позор наш тевкры словно угадали.
 Смеясь язвительно, они собрались,
 Готовя торжество, воображая,
 Что выиграли дело и что ярость
 Царицы против них была ошибкой,
 Которая немедля раз'яснится,
 И вестника опять послать хотели,
 Ей снова предложить союз сердечный,
 Уж раз отвергнутый. Но прежде чем
 Успел стряхнуть с доспехов пыль их вестник,
 Кентавриха, поводя отпусая,
 Бросается на греков и троянцев
 Подобно бурно-пенному потоку,
 И нас, как их, свирепо поражает.

АНТИЛОХ.

Неслыханно, данайцы!

ОДИССЕЙ.

Вспыхнул бой.
 С тех пор как фурии владеют нами,
 Земля такого боя не видала.
 Насколько знаю я, во всей природе
 Есть сила, есть сопротивление,— третье
 Немыслимо: вода погасит пламя,
 Или огонь иссушит влагу. Здесь же
 Такой была ее свирепость силой,
 Когда огонь не знает, не с водой ли
 Ему шипеть совместно, а вода —
 Не с пламенем ли к небу устремиться.
 Теснимый амазонками, троянец
 Спешит под щит данайца, грек его
 Спасает от преследующей девы.
 Забыв о похищении Елены,
 Троянец должен с греком вместе биться,
 Чтобы спастись от общего врага.

(Грек подает ему воду).

Спасибо! В горле пересохло.

ДИОМЕД.

Ныне
 На той равнине непрерывно битва

Бушует, яростнее с каждым мигом,
 Подобная грозе среди лесистых
 Ущелий. С этолийцами пришел я
 Вчера, чтоб наши силы подкрепить,—
 Вновь яростная битва разразилась,
 Как бы стремясь грозой своих ударов
 До тла все войско греков уничтожить.
 Уже погублен цвет страны,— Аристон,
 Менандр, Астианакс лежат в долине,
 Для той отважной дочери Арея
 Под лавры землю утучнив своими
 Прекрасными и юными телами.
 Она пленила больше, чем могли б мы
 Очами счесть и вывести на свободу
 Руками тех, кто нам еще остался.

АНТИЛОХ.

Чего ж от нас ей надо? Неужели
 Никто не разгадал?

ДИОМЕД.

Никто, — куда бы
 Грузило дум ни опускали мы.
 Порой, чтоб странную понять свирепость,
 С которою она в пылу сраженья
 Фетиды сына ищет, мы решали,
 Что злость к нему в ее груди бушует.
 Так бешено голодная волчиха
 Не мчитя по оснеженному лесу
 За приглянувшуюся ей добычей,
 Как через наши строи за Ахиллом
 Царица гонится. Но вот недавно
 Ахилла жизнь была у ней во власти,
 Она ж ее с улыбкой возвратила.
 Не будь ее, сошел бы он в Аид.

АНТИЛОХ.

Как? Если б не она?

ДИОМЕД.

Сама царица!
 Когда вчера в вечернем полумраке
 На поле битвы встретился Ахилл
 С Пентесилеей, Деифоб примчался
 И амазонкам начал помогать.
 Настиг Пелида тевкр и так коварно
 Его мечом по панцырю ударил.

Что всколыхнулись вершины вязов.
 Она, бледнея, руки опустив,
 Мгновенья два стояла. Вспыхнув снова
 И бешено кудрями потрясая,
 Высоко поднялась на стременах,
 И, словно с неба прыгнув, Деифобу
 Молниеносный меч вонзила в горло,
 И вмиг непрощенный ее союзник
 Упал к ногам божественного сына
 Фетиды. Хочет ей ответить тем же
 В знак благодарности Пелид. Царица
 Пригнулась к гриве своего коня,
 Кусаящего золото уздечки,
 Смертельного удара избежала,
 И улыбаясь ускакала прочь.

АНТИЛОХ

Непостижимо!

ОДИССЕЙ.

Ты какие вести

Принес?

АНТИЛОХ

Меня послал Агамемнон
 Спросить: когда все так переменилось,
 Не будет ли умней итти обратно
 Тебе? Хотим разрушить Илион,
 А не мешать походу вольной девы
 С какою-то, нам безразличной, целью.
 И потому, когда ты убедился,
 Что не с подмогой городу дарданцев
 Идет Пентесилея, то он хочет,
 Чтоб вы тотчас, во что бы то ни стало,
 В аргивские окопы поспешили.
 Когда ж она преследовать вас станет,
 То сам Атрид с войсками выйдет в поле,
 Чтобы узнать, что этот сфинкс двуликий
 Замыслил делать под стенами Трои.

ОДИССЕЙ.

Клянусь Юпитером, согласен с этим.
 Не думаете ль вы, что Лаертиду
 Угодна безрассудная война?
 Отсюда прочь возьмите вы Пелида.
 Когда бросаются собаки с воем
 Оленю на рога, заботы полный,
 Охотник отзывает их назад;

Вцепившись все-таки в загривок зверя,
 Они за ним чрез горы и потоки
 Несутся в глушь лесную: так и он
 Освирепел с тех пор, когда увидел
 В лесу войны столь редкостную дичь.
 Удар стрелы его сковал: клянется,
 Что не отступит он, что амазонку
 Преследовать он будет, что ее,
 Схватив за косы шелковые, сбросит
 С ее, как тигр, пятнистого коня.
 Так попытай же, Антилох, коль хочешь,
 Над ним свое искусство убеждать,
 Хоть и дрожат у яростного губы.

ДИОМЕД

Обсудимте, цари, еще однажды,
 Как нам его безумное решение
 Умом холодным расколоть, что клином.
 Ларисец хитрый, ты найдешь, конечно,
 К его рассудку сокровенный доступ.
 А не послушает тебя, ну, ладно ж!
 Двух этолийцев кликну я; взваливши
 Безумца, как чурбан, к себе на спины,
 Перенесем его мы в стан аргивян.

ОДИССЕЙ.

За мной!

АНТИЛОХ

А это что? Кто к нам спешит?

ДИОМЕД

Адраст идет. Расстроен он и бледен.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Военачальник и те же.

ОДИССЕЙ.

Ну что?

ДИОМЕД

Ты весть принес?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Мрачней которой

Ваш слух не слышал.

ДИОМЕД

Что же?

ОДИССЕЙ.

Говори.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Ахилл в руках у амазонок. Стенам
Пергамским не грозит теперь паденье.

ДИОМЕД

О, боги олимпийцы!

ОДИССЕЙ.

Вестник бедствий!

АНТИЛОХ.

Когда и где случился этот ужас?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Грозе подобный, новый натиск этих
Рассвирепевших дочерей Арея
Ослабил строй отважных этолийцев.
Рекою девы бросили на нас
Дотоль непобедимых мирмидонцев.
Напрасно мы идем потоку бегства
Навстречу: в диком устремленьи поднял
Он нас, и с поля бранного увлек.
Когда же мы смогли вздохнуть свободно,
Остался далеко от нас Пелид.
Тогда он вырвался из леса копий,
Из ада битвы, и спешит в смятеньи
С высокого холма, направив бег
Удачно к нам, и мы уже, ликуя,
Ему привет спасенья посылаем.
Но крики замерли у нас в груди,
Когда отпрянула его четвёрка;
Над жуткой бездной к облакам высоко
Взвильсь и вдруг остановились кони.
Теперь напрасно все, хоть он и мастер
Высокого искусства игр истмийских:
Испуганная пятится четвёрка
И подставляет головы бичу,
И, падая в запутанной упряжке,
В хаос влекутся кони с колесницей,
И с колесницей вместе сын богов
Упал, как бы опутанный силками.

АНТИЛОХ.

Безумца что взманило!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Автомедон,

Возничий ловкий колесницы, быстро
Бросается к мятущимся коням,
И всю четвёрку поднимает смело.
Но ранее, чем он из всех узлов
Освободил запутанные бёдра,
Царица в тот овраг примчалась вместе
С толпой победоносных амазонок,
Отрезав всякий путь ему к спасенью.

АНТИЛОХ.

О, боги!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Облак пыльный поднимая,
Порывный бег коня остановила
И, взор сверкающий подняв к вершине,
Откос, измерила в одно мгновенье.
И даже шлем как-будто ужаснулся,
И к низу тянет поднятое темя.
И вдруг она отбросила поводья.
Глядим, — руками небольшими сжала
Свой лоб она, как бы лишаясь чувства,
А вокруг лица волною вьются кудри.
Поражены ее столь странным видом,
Вокруг нее столпились амазонки,
Царицу пылко убеждая в чем-то.
Одна, что кажется к ней очень близкой,
Ее рукою обняла, другая ж
Решительно коня взяла за повод.
Хотят ее насильно удержать.
Она ж...

ДИОМЕД.

Осмелилась?

АНТИЛОХ.

Ну, что же дальше?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Попытки удержать ее напрасны.
Направо и налево с кроткой мощью
Раздвинувши подруг, тревожно рыщет
Туда, сюда оврагом, и глядит,
Откроется ли узкая тропинка

Желанью, у которого нет крыльев.
 И видим мы, — царица то повиснет,
 Безумная, на выступе утеса,
 То здесь стоит, сгорая от желанья,
 То там, полна безумною надеждой
 На том пути в силках схватить добычу.
 Она уж испытала много рытвин,
 В скале дождем изрытых, — все напрасно,
 И видит, — неприступна высота.
 Но в исступлении она кружится
 И на утес карабкается снова,
 Неутомимая, и в самом деле
 Нашла тропу, где и пройти то страшно.
 Взбирается на верхний край утеса,
 С вершиной ильмов вровень; вот достигла
 Гранитной глыбы; на площадке узкой
 Стоит, где устоять лишь серна сможет.
 Вокруг нее — зияющая пропасть,
 И ни вперед, и ни назад ни шагу.
 Пронзают воздух крики женских страхов.
 Внезапно конь и всадница несутся
 В падении осыпавшихся камней,
 Гремя, как-будто правят прямо в Оркус,
 К глубокому подножию скалы.
 Но не боится, не сломала шеи,
 И на утес карабкается вновь.

АНТИЛОХ

Пойми слепое бешенство гиэны!

ОДИССЕЙ

Что ж Автомедон?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Наконец поднялся.
 Стоят в порядке кони с колесницей, —
 Гефест, пожалуй, за такое время
 Сковать бы мог такую же повозку, —
 Вскочил, хватая за поводья, — камень
 У нас, аргивян, отвалился с груди.
 Но не успел коней он повернуть, —
 Тропинку отыскали амазонки,
 Ведущую полого на вершину,
 И, криком ликованья оглашая
 Вес дол, зовут царицу, в исступленьи
 Еще пытавшуюся взлесть на скалы.
 Она, услышав, прынула назад;

Бросает быстрый взгляд на эту тропку;
 Насторожившейся пантерой тотчас
 Туда спешит; а он, Пелид, исчез
 С конями, устремленными обратно;
 И вскоре затерялся в глубинах,
 И что с ним случилось, этого не знаю.

АНТИЛОХ

Погиб!

ДИОМЕД

Идем! Друзья, как поступить нам?

ОДИССЕЙ

Что сердце вам прикажет! Что ж, цари,
 Идем! Освободить его нам надо,
 Хотя б в бою на жизнь или на смерть, —
 Оружие Атридов дело кончит.

(Одиссей, Диомед, Антилох уходят).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Военачальник. Отряд греков, взобравшихся тем временем на холм.

МИРМИДОНЕЦ

(озирая местность).

Смотрите! Там, вздымаясь над горою,
 Не голова ли видится в доспехах?
 Волнами перьев осененный шлем,
 И мощная под этим шлемом шея!
 Плечо в сверканьи стали, и рука!
 И грудь широкая, смотрите, други,
 А вот и золотом горящий пояс!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Кто ж там?

МИРМИДОНЕЦ

Кто там? Я грежу, аргивяне?

Уж головы коней я вижу в ранах
 Кровавых! Только бёдра да копыта
 Еще скрывает высота холма.
 Теперь на горизонте боевая
 Вся колесница мне видна! Так солнце
 Восходит пышно в вешний день веселый!

ГРЕКИ.

Победа! Сын богов, Ахилл идет!
Он сам своей квадригой управляет!
Он спасся!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Олимпийцы! вечно славным
Да будет ваше царство. Одиссей!
Послать кого-нибудь к царям Аргоса!
(Один из греков поспешно уходит).
Подходит он, данайцы?

МИРМИДОНЕЦ

О, смотри!

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Что там случилось?

МИРМИДОНЕЦ

Дух мне захватило.

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Ну, говори ж!

МИРМИДОНЕЦ

О, как он держит коней

И левою рукою ими правит!
Как спины их бичом он полосует!
Как, возбужденные, под свист бича,
Божественные кони землю топчут!
Клубится пар из пастей, увлекая,
Клянуся всем живущим, колесницу!
Олень гонимый мчится не быстрее!
Слилися в круг вертящиеся спицы,
И взгляд за них проникнуть не сумеет!

ЭТОЛИЕЦ

Но сзади...

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Что?

МИРМИДОНЕЦ

У склона той горы...

ЭТОЛИЕЦ

Там пыль.

МИРМИДОНЕЦ

Там пыль, как туча грозовая.
Как молния пред ней блесит...

ЭТОЛИЕЦ

О, боги!

МИРМИДОНЕЦ

Пентесилея!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Кто?

ЭТОЛИЕЦ

Сама царица!

Преследует Пелида шаг за шагом
С неистовою шайкой дев своих.

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Мегера злобная!

ГРЕКИ

(зовут).

Спешите направить,
Божественный, сюда свой бег! Сюда!
Сюда!

ЭТОЛИЕЦ

Смотрите, как она сжимает
Коню ногами яростно бока!
К луке склонясь, впивает жадно воздух,
Спеша его преграду победить.
Летит, как бы излученная солнцем,
Стремительнее нумидийских стрел!
Не поспевает рать ее за нею,—
За быстрой гончей так дворняжки мчатся.
Как только перья шлема не отстанут!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

К Ахиллу близко?

ДОЛОПЕЦ

Близко.

МИРМИДОНЕЦ

Нет, далеко!

ДОЛОПЕЦ

Она все близится к нему, данайцы!
И каждый стук копыт кусок дороги
Меж нею и Пелидом поглощает.

МИРМИДОНЕЦ

Клянусь, защитою богов высоких,
К его величию она близка!
Уже она вдыхает пыль, что ветер

Из-под его колес назад относит!
 Уже ее проворный иноходец
 Из-под копыт своих бросает землю
 В его стремительную колесницу!

ЭТОЛИЕЦ

Теперь, надменный и безумный, дразнит
 Ее, и по кривой стремится. Видишь:
 Прямым путем помчалась амазонка,
 И путь отрезан.

МИРМИДОНЕЦ

Помоги, о Зевс!

Уже она с ним рядом! Тень царицы,
 Как исполин в лучах зари, уже
 Его сокрыла.

ЭТОЛИЕЦ

Нет, он вновь свободен.

ДОЛОПЕЦ

Бросает в сторону внезапно он
 Четвёрку всю!

ЭТОЛИЕЦ

И к нам он мчится снова!

МИРМИДОНЕЦ

Ага! Хитрец! Провел ее!

ДОЛОПЕЦ

Ого!

Неистовая, как промчалась мимо
 Его повозки!

МИРМИДОНЕЦ

Мечется в седле.

И вдруг...

ДОЛОПЕЦ

Упала!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Что?

МИРМИДОНЕЦ

Она упала!

Вот дева на нее одна свалилась!

ДОЛОПЕЦ

Еще одна.

МИРМИДОНЕЦ

Опять...

ДОЛОПЕЦ

Одна еще.

ВОЕНАЧАЛЬНИК

А, падают?

ДОЛОПЕЦ

Все падают они.

МИРМИДОНЕЦ

И лошади, и всадницы, все в кучу
Валятся, словно угли в очаге.

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Да превратятся в пепел!

ДОЛОПЕЦ

Пыль вокруг

Пронизана сверканием доспехов.
Там ничего и зоркий глаз не видит.
Запутанный клубок из амазонок
И коней разномастных: был яснее
Хаос начальный до создания мира.

ЭТОЛИЕЦ

Но вот повеял ветер, — посветлело,
И из упавших поднялась одна.

ДОЛОПЕЦ

Какое там веселое смятенье!
Как ищут копья там они и шлемы,
Что по полю рассыпались далеко!

МИРМИДОНЕЦ

Три лошади и всадница лежат,
Как мертвые.

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Уж не царица ль это?

ЭТОЛИЕЦ

Пентесилея, говоришь?

МИРМИДОНЕЦ

Царица?

Пусть мне глаза откажутся служить
Стоит!

ДОЛОПЕЦ

Да где?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Скажи!

МИРМИДОНЕЦ

Клянусь Кронидом,
Вон там же, где упада: в тени дуба,
Склонясь к загривку своего коня,
Стоит, с земли не поднимая шлема,
Отбросив волосы рукою правой,
Со лба стирает пыль она иль кровь.

ДОЛОПЕЦ

Да видит Зевс, — она!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Неуязвима!

ЭТОЛИЕЦ

И кошка бы расшиблась, — ей ничто!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

А как Пелид?

ДОЛОПЕЦ

Его хранят все боги!

На три стрелы ее опередил!
Теперь уж разве взглядами настигнет
Ахилла; не стремятся даже мысли
Уже за ним, в груди ее задохшись.

МИРМИДОНЕЦ

Победа! Одиссея там я вижу!
И в солнечных лучах все войско греков
Из леса мрачного выходит вдруг!

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Как? Одиссей? И Диомед? О, боги!
А что Ахилл? Еще далеко в поле?

ДОЛОПЕЦ

Нет, камень только бросить. В колеснице
Несется он по холмам у Скамандра,
Где строится проворно наше войско.
Вот вдоль рядов уже он мчится.

ГОЛОСА

(издали).

Слава!

ДОЛОПЕЦ

Аргивяне кричат.

ГОЛОСА

Ахиллу слава!
Божественному слава! слава! слава!
Пелиду слава!

ДОЛОПЕЦ

Вот остановился!
 Коней остановил перед царями
 Аргивскими. Вот Одиссей подходит.
 Ахилл с сиденья спрыгнул, весь в пыли.
 Поводья отдает! Вот обернулся,
 Снимает шлем, для головы тяжелый.
 И все цари Ахилла окружили!
 Ликующие воины толпятся
 Вокруг, его колени обнимая.
 А рядом кони; пар от них клубится,
 И шагом их проводит Автомедон.
 Уже подходят к нам они ликуя!
 Да здравствует божественный Ахилл!
 Смотрите же, — вот здесь он, здесь! Смотрите!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Ахилл, за ним Одиссей, Диомед, Антилох, Автомедон с квадригой, войско греков.

ОДИССЕЙ.

От всей души Эгинскому герою
 Привет! Ты победитель даже в бегстве!
 Клянусь Юпитером! Уж если даже
 К ним спину обративши, силой духа
 Ты побеждаешь вражескую силу,
 То что ж, божественный, тогда случится,
 Когда ты с ней лицом к лицу сойдешься?

АХИЛЛ

(держит шлем в руке и вытирает лоб. Два грека берут, не спрашивая, его раненую руку и перевязывают ее).
 Ну что там? Что?

АНТИЛОХ.

Ты выказал в сраженьи
 Такое беспримерное проворство,
 Сын Нереиды, что быстрее и вихрь,
 Сорвавшийся с небесного простора,
 Над изумленным миром не промчался б!
 Услышь меня, Эринния! Когда бы
 Я на твоей стремительной повозке
 От совести моей над колеями
 Ночей и дней бежал, грехи всей Трои
 Принять на грудь свою я б не боялся.

АХИЛЛ

(двум грекам, которые, повидимому , его тяготят своим делом).

Ослы вы!

ГРЕЧЕСКИЙ ВОЖДЬ.

Кто?

АХИЛЛ.

Пристали!

ПЕРВЫЙ ГРЕК

(перевязывавший ему руку).

Стой! Ты ранен!

АХИЛЛ.

Ну что ж!

ВТОРОЙ ГРЕК.

Так стой!

ПЕРВЫЙ.

И дай перевязать.

ВТОРОЙ.

Сейчас готово.

ДИОМЕД

Мне сперва сказали,

Что отступление войска моего
Тебя заставило бежать. В то время
Свидетелем всех этих дел я не был, —
Улисс и я внимали Антилоху,
Который к нам Атридами был послан,
Но все меня, что вижу, убеждает,
Что в этом мастерском набеге было
Намеренье свободное. Наверно,
Когда еще на утреннем рассвете
Мы только-что готовились к сраженью,
Задумал под ноги царице кинуть
Ты этот камень, чтоб она споткнулась:
Богами вечными клянусь, — так верно
На этот камень ты ее навел.

ОДИССЕЙ.

Но ты, герой долопский, согласишься,
Что лучше ничего не остается —
Теперь вернуться с нами в стан аргивян.
Зовут сыны Атрея нас обратно.
Притворным отступлением заманим
В долину над Скамандром мы царицу,
Там Агамемнон выйдет из засады
И с сильным войском на нее ударит.
Клянуся громовержцем! только там

Ты утолишь тот пыл, что неотступно
Тебя гнетет, как юного оленя:
Успеха от души тебе желаю.
И мне противна до смерти мегера,
Всем подвигам мешающая нашим
На этом поле битв, и я охотно,
Сознаюсь, увидал бы след твоей
Ноги на розами цветущем лике.

АХИЛЛ

(взгляд его упал на коней).

Они в поту.

АНПИЛОХ

Кто?

АВТОМЕДОН

(трогая их шеи руками).

Как свинец.

АХИЛЛ

Веди ж их;

Когда на воздухе они простынут,
То вымой грудь и бёдра им вином.

АВТОМЕДОН

Вино несут.

ДИОМЕД

Ты видишь, превосходный,
Что ныне бой успеха нам не даст.
Везде, куда ты зоркий взгляд ни кинешь,
Усеяны холмы толпами женщин;
На ниву зреющую саранча
Таким густым не налетела б роем.
Не сразу достигается победа,
И только ты, никто иной не скажет,
Что он в лицо Кентаврихи смотрел.
Вперед стремимся в золотых доспехах,
И царское достоинство свое
Ей возвещаем зычным трубным гласом, —
Напрасно; из засады не выходит.
Кто б захотел хоть принесенный ветром
Вдали серебряный услышать голос,
Сперва в бою сомнительном, бесславном
Сойтись он должен бы с распутным сбродом,
Ее хранящим, адским псам подобным.

АХИЛЛ

(глядя в даль).

Все там еще она?

ДИОМЕД

Она?

АНТИЛОХ

Царица?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Мешают перья шлемов. Расступитесь!

ГРЕК

(перевязывающий ему руку).

Постой одну минуту!

О Д И Н ИЗ ЦАРЕЙ.

Там, конечно.

ДИОМЕД

Где?

О Д И Н ИЗ ЦАРЕЙ.

Возле дуба, где она упала.

На голове уж веют перья шлема,

Несчастье позабыто.

ПЕРВЫЙ ГРЕК.

Ну, готово.

ВТОРОЙ.

Теперь с рукой что хочешь можешь делать.

ПЕРВЫЙ.

Теперь иди!

ГРЕКИ

(завязывают еще узел и опускают его руку).

ОДИССЕЙ.

Ты слышал ли, Пелид,

Что мы тебе сказали?

АХИЛЛ.

Мне сказали'?

А что? Чего хотите? Я не слышал.

ОДИССЕЙ.

Не слышал? Странно! Мы приказ Атрида

Должны поведать. Агамемнон хочет,

Чтоб тотчас мы в аргивский стан вернулись;

Прислал он Антилоха, как ты видишь,

Сюда с таким решением вождей.

Военный план — царицу амазонок

Назад к дарданским стенам заманить,
 И там, стесненная двумя войсками,
 Должна же в этом, положении трудном
 Она сказать, с кем хочет в дружбе быть.
 Пусть выберет, кого желает; мы же,
 По крайней мере, будем знать, что делать.
 Я доверяю разуму Пелида,—
 Поймешь ты мудрость этого решения.
 Клянусь Олимпом, было бы безумно,
 Когда нас призывают к стенам Трои,
 Связаться с девами, еще не зная,
 Чего они хотят, не зная даже,
 От нас чего-нибудь они хотят ли?

АХИЛЛ

(надевая шлем).

Когда хотите, бейтесь как кастраты;
 Мужчина я, и против этих женщин,
 Хотя б совсем один, хочу стоять!
 Останетесь иль нет у этих сосен,
 Желаний тщетных полны, только взором
 За ней следя, вдали от ложа битвы,—
 Клянуся Стиксом, все равно; согласен
 На то, чтобы ушли вы к Илиону,—
 Чего божественная хочет, знаю;
 Оперенных мне сватов шлет она,
 И ветер их несет, ее желанье
 Как шопот смерти в уши мне вливая.
 Прекрасных никогда я не чурался;
 С тех пор как борода моя пробилась,
 Вы знаете, я каждой рад служить;
 Доныне я для этой недоступен,
 Клянуся Громовержцем, оттого лишь,
 Что не нашел еще в кустах местечка,
 Где без помехи мог бы заключить
 Ее в объятья, жаркие как лава.
 Идите же, друзья; вернусь я после;
 Пастуший час теперь не за горами;
 И если б даже месяцы и годы
 Пришлось мне свататься, — я колесницу
 Не раньше поверну к моим друзьям;
 Клянусь, что не увижу вновь Пергама,
 Пока не обручусь с моей невестой
 И, увенчав ее смертельной раной,
 Вниз головой по камням не промчу.
 За мной!

ГРЕК

(появляясь).

Пентесилея там, Пелид!

АХИЛЛ

Я к ней иду. Опять в седле царица?

ГРЕК.

Еще не села. К нам идет пешком,
А рядом с ней гарцует конь персидский.

АХИЛЛ

Ну, так! И мне, друзья, коня подайте.
Вы, мирмидонцы храбрые, за мной!

(Уходит. Войско трогается).

АНТИЛОХ

Неистовый!

ОДИССЕЙ

Ну что же, не поможет
Твое здесь красноречье, Антилох?

АНТИЛОХ

Давайте силой мы...

ДИОМЕД

Уж он далеко!

ОДИССЕЙ

Проклятая с Кентаврихой война!
(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Мероэ. Астерия. Свита. Войско амазонок.

АМАЗОНКИ

Триумф тебе, могучая царица!
Венком из роз венчанная, триумф!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Я не увенчана! Нет мне триумфа!
Меня опять влечет на поле битвы.
Упрямый, юный бог войны да будет
Повергнут. Десять тысяч солнц, слитых

В один костёр, не так заблещут ярко,
Как блеск моей победы над героем.

Дрожу тебя, возлюбленная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прочь!

Я так хочу. Скорее остановишь
Ты бурное паденье водопада,
Чем громовой поток моей души.
Хочу в пыли у ног моих увидеть
Надменного, который в славной битве
Смутил во мне воинственную гордость,
Как никогда никто до этих пор.
Ужели я, врагов могучих ужас,
Надменная царица амазонок,
Иду к нему, а он стоит, и медный
Героя панцырь зеркалом мне служит?
Отягощенная богов проклятьем,
Когда бегут передо мною греки,
А я героя вижу, разве я
Не чувствую себя насквозь пронженной,
Непобедимая, врагов угроза?
Где место, где бы не взростало чувство,
Которое меня на землю бросит?
Хочу я броситься в смятенье битвы,
Где ожидает он меня, насмешник,
И победить его, — или не жить!

ПРОТОЭ.

О, если бы ты голову, царица,
На эту верную склонила грудь!
Удар, тебя так сильно поразивший,
И кровь зажег, и разум возмутил:
Твое трепещет тело молодое!
Мы молим, — отложи свои решенья,
Пока ты ясность духа не вернешь.
Побудь со мной и отдохни немного.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Зачем? К чему? Да что такое? Разве
Случилось что?

ПРОТОЭ.

Из-за одной победы,
Что юную твою пленяет душу,

Ты хочешь вновь начать игру войны?
 Затем, что не исполнено желанье,
 Что в сердце затаилось, как ребёнок
 Рассерженный, ты хочешь прочь отбросить
 Удачу, нам дарованную небом?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да будет проклят этот жребий дня!
 С коварною судьбой соединившись,
 Моей души любимые подруги
 Хотят мне повредить, меня обидеть!
 Как только славы жадная рука
 Коснется, и Ахилл промчится мимо,
 Вот-вот схвачу я кудри золотые,—
 Но вражья сила каждый раз помехой,
 И вся душа моя полна упрямства.
 Прочь, прочь!

ПРОТОЭ

(про себя).

О, силы неба, защитите!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я думаю, — моя ли только воля
 Влечет меня назад на поле битвы?
 Народ ли то, предчувствие ли смерти
 В безумном упоении победы
 На битву внятным шумом крыльев манит!
 Зачем, — как будто бы над нами Веспер,
 И кончен труд, — мы к отдыху стремимся?
 У нас в житницах, в связанных снопах,
 Лежит сокровище роскошной жатвы,
 До неба громоздась; во горний свет
 От нас затмился гибельною тучей
 С угрозой разрушительною молний.
 Не поведете вы толпы плененных,
 Увенчанных цветами юных греков
 При звучных гласах трубных и кимвальных
 В цветущие, родные нам долины.
 Из-за холма или из рощи каждой
 Я все Пелида жду; вот-вот ворвется
 На наш веселый праздник, и за вами,
 И за толпою плененных будет гнаться
 До самых стен родимой Фемискиры,
 И в храме, посвященном Артемиде,
 Сорвет с них цепи из цветущих роз.,
 А нас замкнет в свинцовые оковы.

Неистовая, мне ль его бежать,
 Когда пять дней я напрягала силы
 Лишь для того, чтобы его повергнуть,
 Чтобы, ударом верным пораженный,
 Он под копыта моего коня
 Упал, как упадает плод созревший!
 Нет, прежде чем чудесно начатого
 Чудесно не закончу, и чело
 Обильной вязью роз не увенчаю,
 И в ликованьи дочерей Арея
 Не возведу я на вершину счастья,
 Или пока вся эта пирамида
 На них и на меня не рухнет тяжко,
 Я буду проклинать покорных сердцем.

ПРОТОЭ.

Твой взор, о госпожа, горит так чуждо,
 Загадочно, что злые мысли встали,
 Как бы рожденные предвечной ночью,
 В моей груди, пророча нам несчастье.
 Войска, которых странно ты страшилась,
 Рассеялись, как по ветру солома;
 Едва вдали копье увидеть можно,
 Лишь только ты здесь с войском появилась,
 Ахилл уже отрезан от Скамандра.
 Не раздражай его, и уклоняйся.
 Клянусь Юпитером, что первый шаг свой
 Направит он к данайским укреплениям.
 Я буду отступать пред ним последней.
 Клянусь Олимпом, ни единый пленник
 Отбит не будет им! Не должен блеск
 Его доспехов, издалека видный,
 Пугать войска, и коней дальний топот
 Смущать улыбку хоть единой девы.
 В залог я голову тебе отдам.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(внезапно обращаясь к Астерии).

Неужли так, Астерия?

АСТЕРИЯ.

Царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Возможно ль, как того Протоэ хочет,
 Назад итти мне с войском к Фемискире?

АСТЕРИЯ.

Прости, царица, как же я осмелюсь...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Скажи же смело.

ПРОТОЭ

(робко).

Если б пожелала

Ты благосклонно внять совету всех

Подруг...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Вот эту я хочу услышать!

Или так быстро я переменялась?

(Пауза. Она собирается с духом).

Скажи, Астерия, возможно ль мне

Войска вести назад, к отчизне нашей?

АСТЕРИЯ.

Когда позволишь, госпожа, признаюсь,

Что я дивлюсь всему тому, что вижу,

И разум мой в сомнении немалою.

С Кавказа я, собрав родные рати,

На сутки позже двинулась в поход,

И твоего мы не догнали войска,—

Оно неслось стремительным потоком;

Мы лишь сегодня в сумерки пришли

Сюда, совсем готовые для боя.

И радостно звучит из тысяч уст

Известие: одержана победа,

Закончена по общему желанью

Война наездниц. Радуюсь тому,

Что сбылись быстро так мольбы народа

Без помощи моей, в обратный путь

Велю своим всем снова собираться.

Но любопытно стало мне взглянуть

Хваленую победную добычу;

Узрел мой взор лишь горсть рабов дрожащих

И побледневших, — аргивян подонки,

Свои щиты отбросившие в бегстве,

В кустах твоей подобранные ратью.

А у Троянских гордых врат стоит

Все греческое войско: Агамемнон,

И Менелай, Аякс и Паламед;

Перед тобою стоя, угрожают

Улисс, и Диомед, и Антилох,

А этот юноша, сын Нереиды,

Которого ты розами должна

Была украсить, пред тобой кичится.

Он хочет, — громко говорит он это, —
 Твой царственный затылок растоптать.
 И спрашивает дочь Арея, надо ль
 Итти домой, ликуя о победе!

ПРОТОЭ

(пылко).

Ты лжешь! Царицы мужество, величье
 И красота героев поразили.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Молчи, противная! Мила мне речь
 Астерии, — достоин лишь единый
 Моих ударов, — он еще свободен.

ПРОТОЭ.

Ослеплена ты страстью, госпожа.
 Не так...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ехидна! Укроти язык свой!
 Царицу ты осмелилась прогневать!
 Прочь!

ПРОТОЭ.

Пусть я навлеку твой гнев, царица
 Пусть лучше никогда я не увижу
 Лица царицы, чем трусливо стану
 Предательницей лстивой в этот миг.
 Когда огонь любви в тебе пылает,
 Тебе ль войну девичью продолжать!
 Ведь лев с копьем померяться не может,
 Когда он наглотеается отравы,
 Охотником подложенной коварно.
 Пелида, — вечными клянусь богами, —
 Взволнованная, ты не победишь.
 Верней, клянуся, до захода солнца
 Всех юношей, с безмерными трудами
 В бою упорном покоренных нами,
 Лишимся мы в неистовстве таком.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как непонятно, странно! Что трусихой
 Тебя внезапно сделаю?

ПРОТОЭ.

Меня?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Кого ты победила?

ПРОТОЭ.

Ликаона.

Он юноша. В Аркадии он—царь.
Ты видела его?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, да. Он — тот,

Что трепеша стоял с измятым шлемом,
Когда вчера я к пленным...

ПРОТОЭ.

Трепеша!

Пелид ни разу не был так отважен!
Склонился он, стрелой моей сраженный,
К моим ногам, — и поведу я гордо
Его на праздник роз, — так гордо, как
Лишь мы вести в священный храм умеем.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Неужли? Как же ты зажглась, однако!
Ну что ж! Он от тебя не будет отнят!
Ведите же ей пленника ее,
Отдайте Ликаона аркадийца!
Бери же, невоинственная дева,
И с ним беги, чтоб не утратить друга,
Из шума битвы, спрячься с ним в ограду
Благоуханной сладостно бузины,
В ущелье дальних гор, где сладострастных
Наслушаетесь песен соловьиных,
И торжествуй, развратница, тот праздник,
Которого душа твоя так жаждет.
Но навсегда сокройся с глаз моих,
Не смей входить в столицу; пусть тебя
Возлюбленного ласки утешают,
Когда отчизна, слава и любовь,
Царица, друг, — все для тебя померкло.
Иди, освобождай! Ты мне противна,
И о тебе я слышать не хочу!

МЕРОЭ.

Царица!

ДРУГАЯ

(из свиты).

Что ты говоришь!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Молчите!

Всем буду мстить, кто за нее попросит

АМАЗОНКА

(появляясь).

Ахилл идет, царица, на тебя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Идет! Я рада! Девы, быстро в битву!
 Мне копья меткие скорей несите,
 И самый грозный меч подайте мне!
 Вы, боги, подарить должны мне радость,
 И юношу, желаемого страстно,
 Сраженного к моим ногам повергнуть.
 Всю меру счастья требую от вас,
 На всю мне жизнь отпущенную вами.
 Астерия! Ты поведешь войска,
 Ты греков отвлеки и позаботься,
 Чтоб пыл сраженья мне помехой не был,
 И ни одна из дев пускай не смеет
 Приблизиться к Пелиду! Той стрела
 Смертельная отточена, кто тронет
 Его иль кто кудрей его коснется!
 Одна лишь я могу сразить героя.
 Вот это, милые, должно железо
 К моей груди его склонить без боли.
 Об'ятием нежнейшим (что ж мне делать!
 Железом мне пленить героя надо!),
 Весенние цветы, его примите,
 Чтобы себя нигде он не поранил.
 Кровь сердца моего пролить мне легче.
 Не успокоюсь, прежде чем Пелида,
 Подобно чудной птице, из простора
 Низвергну; вот уж он у ног моих
 Со сломанными крыльями, о девы,
 Лежит, не разроняв пурпурных перьев.
 И пусть блаженные приходят тени
 Тогда отпраздновать победу нашу.
 На родину тогда пойдем ликуя,
 И буду я для вас царицей роз.
 Идем!

(Уходя , замечает плачущую Протоэ и беспокойно оборачивается
 Затем, внезапно падая ей на шею).

Сестра души моей! Протоэ!
 Пойдешь за мною?

ПРОТОЭ

(плача).

За тобой хоть в ад!
 Могу ль сойти к блаженным без тебя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты лучшая из всех подруг! Ты хочешь?
Идем, сразимся, будем побеждать,
Иль обе, или ни одна, а лозунг:
Иль розы на главе героев наших,
Иль на могилах наших кипарисы.
(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Появляются верховная жрица Дианы с ее жрицами, за ними следует группа молодых девушек, с корзинами роз на головах, и пленные, сопровождаемые несколькими вооруженными амазонками.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, милые мои, о розы-девы,
На плод трудов своих взглянуть мне дайте.
Здесь, где журчит один источник в скалах,
Под тенью пиний что нам угрожает!
Рассыпьте вашу жатву предо мною.

МОЛОДАЯ ДЕВУШКА

(высыпая свою корзину).

Смотри, сорвала эти розы я!

ДРУГАЯ

(делая то же).

Я эту горсть!

ТРЕТЬЯ.

А эту я сорвала!

ЧЕТВЕРТАЯ.

А я роскошную весну всю эту!

(Остальные следуют).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Цветов, цветов, как на Гиметских склонах
Такой благословенный день, Диана,
Не занимался над твоим народом!
И матери несут дары, и девы;
Не ослепляясь роскошью двойною,
Я знаю, кто мне лучший дар принес.
Но разве это весь ваш сбор, о дети?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Мы большего, чем видишь, не нашли.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Так ваши матери усердней были.

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

На тех полях, святая жрица, легче
Сбирать в бою нам пленников, чем розы.
Когда вокруг, по всем холмам вплотную
Виднеется покос из юных греков,
Серпа лишь резвой жницы ожидая,
То скудно так цветет окрест в долинах,
Так недоступна, — ты поверь мне, — роза,
Что лучше сквозь ограду стрел и копий
Пройти, чем через сеть ее колючек.
Взгляни на пальцы, — я прошу тебя.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА.

Я на скалу осмелилась взобраться,
Чтобы сорвать единственную розу, —
И, бледный в чашечке темно-зеленой,
Еще едва просвечивал бутон,
На зов любви еще не раскрываясь.
Взяла ее, споткнулася, и в пропасть
Упала вдруг! Я думала, — погибну,
Несчастливая, во мраке смертной ночи.
На счастье мое здесь россыпь роз
В цвету стояла, — амазонки десять
Еще побед отпраздновать могли бы.

ЧЕТВЕРТАЯ ДЕВУШКА.

Я сорвала тебе, святая жрица,
Одну лишь розу, — сорвала одну,
Но эта роза, роза — посмотри же! —
Достойна увенчать чело царя;
Не может пожелать Пентесилея,
Иной, когда она сразит Ахилла.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Когда сразит его Пентесилея,
Ты эту царственную дай ей розу.
Так позаботься же ее сберечь.

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Когда наездницы под звон кимвалов
Опять пойдут на поле битвы, с ними
Пойдем и мы, — позволь нам! — не за тем,
Чтобы сбираньем роз и заплетаньем
Венков украсить матерей победу.

Смотри, рука уже метать готова,
 Стрела моя, свистя, находит цель.
 Так мне уже венок цветущий надо,—
 И пусть он храбро борется в сраженьи,
 Тот юный, для кого натянут лук.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Ну да, тебе, конечно, лучше знать!
 Уж розы на его челе ты видишь!
 Весной, чрез год, при новом цвете роз,
 Ты юношу себе найдешь в сраженьи.
 Теперь же матерей торопит радость:
 Скорее же венки из роз свивайте!

ДЕВУШКИ

(друг другу).

Скорей за дело! Как же нам начать?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(второй).

Главкотоэ, ко мне!

ТРЕТЬЯ

(четвертой).

Ко мне, Хармион!

(Садятся попарно).

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Мы для Орнитии венок свиваем.
 Альцест в высоком шлеме ею взят.

ТРЕТЬЯ ДЕВУШКА

А мы Партеньон, сестры: Атенея,
 С Медузой на щите, она пленила.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(вооруженным амазонкам).

Вы что ж своих гостей не веселите?
 Не стойте так беспомощно, вы, девы,
 Как-будто обучать любви вас надо!
 Сказали б им приветливое слово!
 Их, утомленных битвою, спросили б,
 Чего они хотят, чего им надо!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Они твердят,— нам ничего не надо!

ВТОРАЯ

На нас сердиты.

ТРЕТЬЯ.

Только подойдем,—
Упрямы отвернутся и бранятся.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ну, если злятся, сделайте их снова
Вы добрыми! И для чего на них
Вы так неистово в бою бросались?
Скажите им, что будет, в утешенье:
Тогда не будут так неумолимы.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА
(пленному греку).

Не хочешь ли ты, юноша на мягком
Ковре возлечь? Не хочешь ли, осыплю
Весенними цветами там, под лавром,
Тебе, усталому, на отдых ложе?

ВТОРАЯ

(также).

Не хочешь ли, чтоб ароматы персов
Смешала я с водою ключевою,
И запыленные омыла ноги?

ТРЕТЬЯ.

Сок апельсинов разве ты отвергнешь,
Моей рукой любовно принесённый?

ТРИ АМАЗОНКИ.

Скажите! Чем же вам служить?

ГРЕК.

Ничем!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Что, странных чужеземцев, вас печалит?
Когда покоятся в колчане стрелы,
Зачем страшитесь вы наших лиц?
Не львиная ли шкура вас пугает?
Ты, с поясом, ответь! Чего боишься?

ГРЕК

(посмотрев на нее резко).

Кому сплели венки из роз? Скажите?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Кому же, как не вам!

ГРЕК.

Признались в этом,
Чудовища! Убравши нас цветами,
Вы, как зверей, нас в жертву поведете.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ошибся, юноша! В храм Артемиды,
Во тьму дубрав дубовых поведем вас,
Где ждет восторг без меры и порядка!

ГРЕК

(изумленный, подавленным голосом другим пленным).
Сны странные такие где приснятся!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Появляется военачальница. Те же.

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Высокочитимая, еще ты здесь!
Меж тем, отсюда на метанье камня,
Войска готовятся к кровавой битве!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Войска! Не может быть! Но где ж?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

В долине,
К Скамандру прилегающей. Когда ты
Прислушаешься к ветру с этих гор,
Услышишь громовой призыв царицы,
Бряцание оружия, ржанье коней
И звуки труб, литавров и кимвалов,—
Весь славный голос битвы слышен будет.

ЖРИЦА

Домчится быстро кто на холм?

ДЕВУШКИ

Я! Я!

(Бегут на холм).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Царица? Нет, скажи! Непостижимо!
Зачем, когда еще бушует битва,
Она готовить праздник роз велела?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Как, праздник роз? Кому ж приказ был отдан?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Мне! Мне!

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Когда и где?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Совсем недавно,

В тени под обелиском я стояла,
 Когда Пелид и вслед за ним она
 Подобно ветру мимо пролетели.
 Спросила я спешившую: „Как дело?“ —
 „На праздник роз, — как видишь!“ закричала,
 И, мимо мчась, мне крикнула со смехом:
 „Смотри, чтобы достало роз на всех!“

ПЕРВАЯ Ж Р И Ц А

(девушкам).

Ее ты видишь?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(с холма).

Ничего не видно!
 Не различить мне шлема ничьего.
 Покрыли тени туч кругом все поле,
 И лишь доносится нестройный гул
 От натиска столпившихся героев,
 Друг друга ищущих в долине смерти.

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Она прикрыть лишь отступление хочет.

ПЕРВАЯ.

Конечно.

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Нет, поверьте, в бой готова,
 Стоит Пентесилея пред Пелидом,
 И так бодра, как тот персидский конь,
 Что, вздыбясь, высоко ее вздымает.
 Из-под ресниц горят ее глаза,
 Она вздыхает весело, свободно,
 И юная, воинственная грудь
 Теперь лишь истый битвы дух вдыхает.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Но что стремится царицу, Олимпийцы?
 К чему, когда кругом так много пленных
 Во всех лесах кишат, еще к чему же
 Пентесилее надобно стремиться?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

К чему царице надобно стремиться?

ДЕВУШКИ

(с холма).

О, боги!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Что? Рассеялась ли тень?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Достопочтенные, приблизьтесь!

ВТОРАЯ ДЕВУШКА

Что там?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

К чему еще ей надобно стремиться?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Смотрите же, смотрите, как, сквозь тучи

Прорвавшись внезапно, солнца луч

Пернатый шлем Пелида позлащает!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Чей шлем?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Да чей же шлем, как не Пелида!

Стоит Ахилл на холме, весь блистая,

Закован в сталь он весь и конь его;

Сапфир и хризолит так не сверкают!

Земля вокруг, пестреющая цветом,

Окутанная вся во мрак ненастья,

Ничто, как только темный фон иль фольга,

Чтобы усилить блеск его роскошный!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Народу что за дело до Пелида?

Пристойно ль дочери дарственной Арея

В сражении с одним врагом бороться?

(К амазонке).

Беги проворно, Арсиноэ, к ней

И передай от имени богини:

Явился Марс уже своим невестам;

И я ее на родину теперь

Зову вести увенчанного бога,

Не медля больше здесь, и в светлом храме

Торжествовать священный праздник роз!

(Амазонки уходят).

Где слыхано подобное безумство!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Не видите ль вы, дети, и царицу?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(с холма).

Да вот она! Все поле заблестало!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Где появилась?

ДЕВУШКА

Во главе всех дев!

Сияя в золотых своих доспехах,
 Полна отваги бранной! Не похоже ль
 Как-будто, подстрекаемая рвением,
 Она опередить и солнце хочет,
 Чтоб юное чело лобзать! Смотрите!
 Когда б она на небо полетела,
 Чтоб с золотым соперником сразиться,
 То конь, потворствуя ее желанию,
 Но мог бы окрыленное подняться.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(военачальнице).

И не нашлось ни единой девы,
 Чтоб удержать, предостеречь царицу?

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Нет, все ее высокие подруги
 Восстали против; здесь, на этом месте,
 Протоэ сделала все, что возможно.
 Исчерпано искусство красноречья,
 Чтоб убедить вернуться в Фемискиру;
 Но не склонилась к голосу рассудка.
 Опаснейшей из стрел Амура, слышно,
 Поражено ее младое сердце.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Что говоришь ты?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

(с холма).

Вот и повстречались!

Держите, боги, вашу землю крепко,—
 Пока я говорю, они помчались,
 Как две звезды, одна другой навстречу!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(военачальнице).

Царица? Нет, не может быть, подруга!
 Стрелой Амура? Но когда? И где?

Она, носящая алмазный пояс,
 Дочь Марса, у которой нет и груди,
 Куда б отравленной стрелой метить!

ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Так говорит народная молва.
 Мероэ рассказала мне об этом.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Ужасно!

(Амазонка возвратилась).

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Говори, с чем ты вернулась.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Исполнила? Передала царице?

АМАЗОНКА

Мать чтимая, прости, — уж было поздно.
 Я не могла найти Пентесилею,
 То здесь, то там мелькавшую среди женщин;
 Но встретив на мгновение там Протоэ,
 Передала я ей твоё желанье;
 Она ж мне возразила, — не ручаюсь,
 Что не ослышалась в смятении я.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Ну, что ж?

АМАЗОНКА

Она коня остановила,
 От слез туманным взором на царицу
 Взглянула; и когда я ей сказала,
 Как недовольна ты её безумством
 Из-за одной главы затеять битву,
 Она ответила: „Вернись к жрице,
 Пусть на коленях молится она,
 Чтобы одна его глава слетела.
 Иначе нет спасенья ей и нам”.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Она прямой дорогой мчится в Оркус!
 И если б и не встретила Пелида,
 Так от врага в груди она падет.
 И всех влечет она с собою в бездну;
 Я вижу челн, нас, скованных, везущий
 В Элладу через волны Геллеспонта,
 Весь лентами украшенный злорадно.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Что до того? Близка злосчастья весть.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Предводительница. Те же

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Беги, беги! Спасай плененных, жрица!
На нас нахлынуло все войско греков!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

О, боги-олимпийцы! Что случилось?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Царица где?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Поражена в бою,
Все войско амазонское разбито.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Безумная! Что ты сейчас сказала!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

(вооруженным амазонкам).

Ведите пленных.

(Пленных уводят).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Где? Когда? Скажи!

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА

Позволь тебе все кратко рассказать!
Царица и Ахилл, под'явши копья,
Как две стрелы громовых, повстречались,
Что из-за туч несутся друг на друга;
Слабее грудей, — копья расщепились:
Но устоял Пелид, Пентесилея ж,
Почуя смерти сень, с коня упала.
Когда она, его покорна мести,
В пыли лежала, думали мы все,
Что в ад ее он тотчас ниспровергнет;
Но бледный он стоит, непостижимый,
Как смерти тень. Вдруг крикнул: „На меня
Как смотрит умирающая, боги!"
Спешит сойти он с лошади скорей,
И между тем как ужасом об'яты
Стояли девы, помня повеленье
Царицы и не смея тронуть меч.
К упавшей подошел Пелид отважно.

„Пентесилея!" он зовет, склонившись,
 В объятиях царицу поднимает,
 И, громко проклиная свой удар,
 Он жалобно зовет царицу к жизни.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Как, он? Он сам?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА.

„Проклятый, прочь!" гремит
 Ему все войско. „Отплатите смертью",—
 Кричит Протоэ: — „если не отступит,
 В него пушу острейшую из стрел!"
 И чуть его конем не растоптавши,
 Из рук его царицу вырывает.
 Меж тем злосчастная в себя приходит.
 Растерзана одежда на груди,
 Коса растрепана, сама чуть дышит.
 Ведут за строй, вокруг нее хлопочут.
 Но он, непостижимый тот долопец, —
 Как-будто бы в закованной груди
 Весь гнев его в любовь преобразился,—
 И он зовет: „Помедлите, подруги!
 Ахилл приветствует вас вечной дружбой!"
 И меч бросает, щит бросает прочь,
 С груди своей доспехи он срывает,
 Идет, — и можно бы его руками,
 Лишь захоти, иль кольями свалить, —
 Идет отважно следом за царицей,
 Как-будто знает он, безумец смелый,
 Что жизнь его священна нашим стрелам.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Но кто ж вам дал приказ безумный этот?

ПРЕДВОДИТЕЛЬНИЦА.

Царица! Кто ж иначе?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Как ужасно!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Смотрите! Вот, при помощи Протоэ,
 Она идет — прообраз злополучья!

ВТОРАЯ

О, боги вечные! Смотреть печально!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Пентесилея, ведома Протоэ и Мероэ, свита,

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(слабым голосом.)

Всех, всех собак, спустите на него!
Смолою факелов слонов дразните!
Ножами колесниц его разрежьте,
И силу мышц колесами дробите!

ПРОТОЭ.

Любимая! Мы молим!

МЕРОЭ.

Нас послушай!

ПРОТОЭ.

Ведь за тобой несется по пятам
Пелид; коль жизнью дорожишь, — беги!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ведь мне вот эту грудь разбить, Протоэ,
Не все ль равно, как если б лиру в гневе
Топтала я за то, что тихо имя
Она мое с вечерним ветром шепчет?
Склонилась пред медведем я; пантеру
Ласкала я, что с тихим возбуждением,
С таким же, как мое, ко мне приникла.

МЕРОЭ.

Не хочешь убежать?

ПРОТОЭ.

Бежать не хочешь?

МЕРОЭ.

Спасть не хочешь?

ПРОТОЭ.

Имени найти

Нельзя тому, что здесь должно свершиться!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Моя ль вина, что я на поле брани
Должна искать его любви, сражаясь?
Чего хочу я, обнажая меч?
Хочу ли в Оркус я его низвергнуть?
Хочу, клянусь я вечными богами,
Его на эту грудь привлечь, — и только!

ПРОТ0Э.

То бред!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Несчастливая!

ПРОТ0Э.

Ума лишилась!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Лишь об одном все думает она.

ПРОТ0Э.

Паденье отняло у ней сознание!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с вынужденною решимостью).

Пусть будет воля ваша. Я решилась.
И сердце, если нужно, я заставлю,
И выполню шутя суровый долг.
Вы правы. Для чего я, как ребенок,
Лишь потому, что не сбылось желание,
Богов моих отвергну? Прочь идите!
Мне счастье, говорю я, было б любо;
Но не упало с облаков оно,
Я небо завоевывать не стану.
Уйти отсюда! Дайте мне коня, —
Вас поведу на родину обратно.

ПРОТ0Э.

О госпожа, благословенно трижды,
Достойное царицы, это слово!
Иди, — готово все.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(увидав в руках детей венки из роз, с внезапно загоревшимся лицом) .

А, посмотрите!

Кто приказал вам розы собирать?

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА

Забывчивая, спрашиваешь? Кто же
Иной...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Чем кто?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Отпраздновать победу
Пора, — ее твои так пылко девы ждали.
И не твои ль уста нам повелели?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Мне так противно ваше нетерпенье!
 В бою кровавом, в смертной суматохе
 Я проклиная эту жажду оргий!
 В груди невинной дочери Арея
 Проклятье псам сорвавшимся, желаньям!
 Они орут, как медный голос труб,
 Всех полководцев зовы покрывая!
 Или победа наша? Что же, вместе
 С насмешкой ада близится триумф?
 Прочь с глаз моих!

(Ломает венки).

ПЕРВАЯ ДЕВУШКА.

Что делаешь, царица!

ВТОРАЯ

(подбирая розы).

Весна на много миль кругом на праздник
 Нам роз не даст.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пусть вся весна иссохнет
 Сама, и пусть планета, где мы дышим,
 Раздавлена лежит подобно розам!
 Когда б могла я весь венец миров
 Подобно этим, из цветов, разрушить,
 О, Афродита!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Бедная царица!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Погибшая душа!

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Она в добычу
 Эринниям судьбою отдана!

ЖРИЦА

(с холма).

Пелид, — о, девы, заклинаю в а с , —
 Уж близок, — на один полет стрелы!

ПРОТОЭ.

Беги, — я умоляю на коленях!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Утомлена душа моя смертельно!
 (Садится).

ПРОТОЭ.
 Что делаешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
 Бегите, коль хотите.

ПРОТОЭ.
 На что?..

МЕРОЭ.
 На что?..

ПРОТОЭ.
 Решилась ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ
 Остаться!

ПРОТОЭ.
 Безумная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
 Я не могу стоять.
 Не поломать же кости мне. Оставьте!

ПРОТОЭ.
 Потерянная женщина! Ты слышишь,
 Пелид уж близок.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
 Пусть же он приходит.
 Пусть в сталь закованной пятой наступит
 На мой затылок. Разве эти щеки,
 Цветущие такие, отличаться
 Должны от грязи, из которой вышли?
 Пусть лошадьми растопчет он меня,
 И тело, что так полно свежей жизни,
 Бессильно брошенное в чистом поле,
 Собакам пусть на утреннюю пищу
 И гнусному отродью птиц оставит.
 Быть лучше прахом, чем немилой другу.

ПРОТОЭ.
 О, госпожа!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
 (срывая шейное украшение).
 Проклятье мишуре!

ПРОТОЭ.
 О, боги вечные! Но эту ль волю
 Твои уста недавно возвещали?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
 Прочь шлем! Поникли? Вас я проклинаяю.
 Мечей и стрел беспомощнее вы.

Будь проклята рука, что украшала
 Меня для битвы, прокляты уста,
 Что мне шептали: „Это для победы”.
 Притворщицы, обстали с зеркалами
 Меня вы, справа, слева, восхваляя
 Мою закованную медью стройность.
 Чуму зову на ваши злые чары!

ГРЕКИ

(за сценой).

Вперед! Пелид, вперед! Утешен будешь!
 Еще немного, и она — твоя!

ЖРИЦА

(с холма).

Дианой заклинаю, уходи же,
 Иль ты погибла.

ПРОТОЭ.

Жизнь моя! Сестрица!

Не хочешь ты бежать?

(Пентесилея прислоняется к дереву, слезы струятся у нее из глаз).

ПРОТОЭ

(внезапно растрогавшись, опускаясь возле нее).

Ну, как ты хочешь.

Не можешь, и не хочешь, — пусть! Не плачь!
 Я остаюсь с тобой. Что невозможно,
 Что выше сил твоих, что не сумеешь
 Ты сделать, пусть мне боги помешают
 Потребовать того! Идите, девы,
 И возвращайтесь в родимый край.
 С царицею остануся я здесь.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

И ты! И ты безумной потакаешь?

МЕРОЭ.

Иль бегство невозможно?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Невозможно?

Ничто извне, ни рок ее не держит,
 Лишь сердце глупое.

ПРОТОЭ.

Ее судьба!

Ты думаешь, оковы неразрывны,
 Не правда ль? Легче б их она сломала,
 Чем чувство, над которым ты смеешься.
 Что в ней царит, лишь ей известно. В каждой
 Груди, что чувствует, уже загадка.
 К высокому она стремилась в жизни,
 И уж его коснулась, и не хочет
 Рука за что-нибудь другое взяться.
 Приди на грудь мою. О чем тоскуешь,
 Скажи, о чем ты плачешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Больно, больно.

ПРОТОЭ.

Где?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Здесь.

ПРОТОЭ.

Могу ль помочь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ничем, ничем.

ПРОТОЭ.

Ну, успокойся; кончится все скоро!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(вполголоса).

Безумная!

ПРОТОЭ

(также).

Молчи, прошу тебя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

А если бы бежать я захотела,
 Скажи, — куда бежать мне?

ПРОТОЭ.

Прямо в Фарсос,

Там ты нашла бы, это мне известно,
 Твои войска разбитые все вместе.
 Ты отдохнула б, раны залечила б,
 А с ближнею зарею, — если хочешь, —
 Ты поведешь наездниц снова в битву.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Когда б могла! Но где же взять мне силы?
 Все трудное, что в силах человека,

Я сделала, — к безмерному стремилась, —
 Всю жизнь свою поставила я на кон,
 И выпала решающая кость,
 Должна постигнуть я, — что проиграла!

ПРОТОЭ

Нет, нет, родная! Этого не думай!
 Так низко не оценивай себя!
 Хоть плохо думаешь о том залоге,
 Из-за которого играешь, все же
 Случившимся не обесценен он.
 Вот нить из перлов, розовых и белых,
 Вкруг шеи вьется, — в ней ли все богатство,
 Которого душа твоя желает?
 Подумай, там, когда придешь ты в Фарсос,
 Предела нет твоим высоким целям.
 Но, может быть, теперь почти уж поздно.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с тревожным движением).

Ну, что ж я медлю! Как досадно это!
 Высоко ль солнце?

ПРОТОЭ

Над твоим челом;
 Придешь туда до наступленья ночи.
 Мы заключим союз, от греков втайне,
 С дарданцами, достигнем в тишине
 Той бухты, где стоят их корабли;
 И в ночь, по знаку данному, вдруг пламя
 Обнимет их; стан греков будет взят,
 Стесним их войско спереди и сзади,
 И разобьем, рассеем по стране,
 И каждый грек по нашей воле будет
 Настигнут нами, схвачен и увенчан.
 Какое счастье мне, — увидеть это!
 Не отдыхать хочу, — сражаться рядом
 С тобой, без усталости, под зноем солнца,
 Все силы истощать, пока желанье
 Возлюбленной сестры я не исполню,
 И после всех усилий, побежденный,
 Не склонится Пелид к ее ногам.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(все это время пристально смотрела на солнце).
 О, если б крыльями прорезать воздух
 Могла я вдруг!

ПРОТОЭ.

Что ты?

МЕРОЭ.

Что ты сказала?

ПРОТОЭ.

Что видишь ты?

МЕРОЭ.

К чему она стремится?

ПРОТОЭ.

Любимая, скажи!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Высоко, знаю,

Парит в далеком, вечном, знойном круге
Он вокруг моей тоскующей груди.

ПРОТОЭ.

Но кто, царица дорогая?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Знаю!

Куда ведет дорога?

(Оправляется и идет).

МЕРОЭ.

Ты решилась?

ПРОТОЭ.

Так ты несешься ввысь? — Теперь, царица,
Подобна исполину будь! Не падай,
Хотя б весь Оркус на тебя свалился!
Стой, твердо стой, как арка: каждый камень
Стремится вниз, все вместе — зиждут своды.
Подставь чело, как верхний камень свода,
Небесным молниям, скажи: „Разите!“
И пусть они тебя до пят расщеплют,
Но лишь сама в себе не колебайся,
Пока дыханьем этой юной груди
Цемент и камни жизни тесно слиты.
Иди. Дай руку мне.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Куда ж итти мне?

ПРОТОЭ.

Ты можешь там утес избрать надежней,
Иль здесь удобную долину выбрать,—
Ну, что же выбрать хочешь ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Утес!

Там ближе мне к нему. За мной идите.

ПРОТОЭ.

К кому, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Руку, дорогие!

ПРОТОЭ.

Как только ты того холма достигнешь,

Ты в безопасности.

МЕРОЭ.

Иди же.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(внезапно, дойдя до моста, останавливается).

Слушай!

Я уступлю, — но мне еще осталось...

ПРОТОЭ.

Что надобно тебе?

МЕРОЭ.

Ну, что?

ПРОТОЭ.

О, горе!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Одно еще, и я сойду с ума.

Признать должны и сами вы, подруги, —

Не все возможное мы испытали.

ПРОТОЭ

(с негодованием).

Но если так, то лучше б мы погибли!

Спасенья больше нет!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(испуганно)

Да что такое?

Что сделала я ей, скажите, девы!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ты думаешь?...

МЕРОЭ.

Ты хочешь здесь еще?...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, ничего, что вас бы прогневило.

Хочу я Иду взгромоздить на Осу

И почивать спокойно на вершине!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ты хочешь Иду?...

МЕРОЭ.

Взгромоздить на Оссу?

ПРОТОЭ

(взывая).

Спасите, боги, вы ее!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Погибла!

МЕРОЭ

(робко).

Титанам этот труд, моя царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, да, но чем же хуже я титанов!

МЕРОЭ.

Чем? Их?

ПРОТОЭ.

О, небо!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что ты говоришь!

МЕРОЭ.

Подумай, как же сделаешь ты это!

ПРОТОЭ.

Подумай, — что с тобою будет?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Глупо!

Схвачу я пламя кудрей золотое,

И мой он будет!

ПРОТОЭ.

Кто?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Он, Гелиос!

Когда он головы моей коснется!

(Амазонки без слов, в ужасе переглядываются)

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ее возьмите силой!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(смотрит в реку.)

Я безумна!

Вот он у ног моих. Возьми меня!

(Хочет броситься в реку, Протоэ и Мероэ ее удерживают).

ПРОТОЭ.

Несчастливая!

МЕРОЭ.

Вез чувств упала, словно

Одна ее одежда, в руки к нам.

ЖРИЦА

(с холма).

Ахилл идет! Уж виден! И не может

Его сдержать отряд весь амазонок!

АМАЗОНКИ.

О, боги, защитите от насилия

Царицу амазонок!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(жрицам).

Прочь! Ступайте!

В сражениях кровавых нам не место.

(Верховная жрица со жрицами и девушки с розами уходят)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Отряд амазонок с луками в руках. Те же.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

(кричит вглубь).

Назад, смельчак!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Не слушает он нас!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Владычицы, коль нам нельзя бороться,

Его отваге что же помешает?

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Что делать? Говори, Протоэ!

ПРОТОЭ
(занятая царицей).

Десять
Пустите тысяч стрел в него.

МЕРОЭ
(свите).

Воды!

ПРОТОЭ.
Но только чтоб не ранили смертельно!

МЕРОЭ.
Ну, зачерпните ж в шлем воды.

ОДНА
(из свиты царицы).

Несу.

(Зачерпывает и дает).

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА
(Протоэ).

Спокойна будь! Не бойся!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Здесь постройтесь!

Ссадните щеки, кудри опалите!
Пусть смерть его лобзает, пролетая!
(Приготавливают луки).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Ахилл без шлема, доспехов и оружия, сопровождаемый несколькими греками.

Те же.

АХИЛЛ.

Ну, для кого же эти стрелы, девы?
Не этой ли незащищенной груди?
Не снять ли мне и шелковый нагрудник,
Чтобы открыть вам беззаботность сердца!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ну, что ж, сними, коль хочешь.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Нет, не надо.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Стрелу туда, где держит руку он!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Чтобы проткнуло сердце, словно лист,
Скорей стреляй!

МНОГИЕ

Бей! Нападай!

(Стреляют через его голову).

АХИЛЛ

Оставьте!

Очами поразите вы вернее.
Клянусь Олимпом я, что не шучу,
И, в сердце вами раненый глубоко,
Обезоруженный во всяком смысле,
Я к вашим маленьким ногам склоняюсь.

ПЯТАЯ АМАЗОНКА

(которую ранили копьем, из-за сцены).

Благие боги!

(Падает).

ШЕСТАЯ АМАЗОНКА

(также).

Горе!

(Падает).

СЕДЬМАЯ АМАЗОНКА

(также).

Артемида!

(Падает).

ПЕРВАЯ.

Безумец ты!

МЕРОЭ

(хлопоча возле царицы).

Несчастливая царица!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Назвался безоружным!

ПРОТ0Э

(также).

Умирает!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

А воины его нас избивают!

МЕРОЭ

А девы так и падают вокруг!

Что делать нам?

} вместе.

} вместе.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Готовьте колесницы!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Собаками его!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Пушай камнями

Его засыплот с башен на слонах!

ОДНА

(из амазонских княжен, внезапно оставляя царицу)

Ну, хорошо, попробую мой лук!

(Снимает с плеча лук и натягивает его).

АХИЛЛ

(обращаясь то к одной, то к другой амазонке).

Не верится: как серебро звенящий,

Речей неправду голос ваш казнит.

Голубоглазая, не ты же хочешь,

Да и не ты, краса кудрей шелковых.
Смотрите, если бы на спешный призыв
Собаки ваши на меня напали,
Вы бросились бы вашими телами
Меня от них прикрыть и защитили б
Сгорающее к вам любовью сердце.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Наглец!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Послушайте, как он кичится

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Он думает, что лестью нас...

ТРЕТЬЯ А М А З О Н К А

(таинственно обращаясь к первой).

Отерпэ!

ПЕРВАЯ А М А З О Н К А

(оборачиваясь).

Смотри! Искусница стрелять из лука!

Тихонько разомкнитесь, девы!

П Я Т А Я А М А З О Н К А

Что там?

ЧЕТВЕРТАЯ АМАЗОНКА

Молчи! Увидишь!

В О С Ъ М А Я АМАЗОНКА

Вот! Возьми стрелу!

АМАЗОНСКАЯ КНЯЖНА

(кладя стрелу на лук).

Хочу Пелиду раздробить я череп!

АХИЛЛ

(греку возле него, уже наведшему лук).

Стреляй!

АМАЗОНСКАЯ КНЯЖНА

О, небожители!

(Падает).

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ужасный!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Сама, сраженная, упала!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Боги!

А там еще один отряд подходит!

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Диомед с этолийцами появляется с другой стороны. Вскоре затем Одиссей со стороны Ахилла с войском.

ДИОМЕД

Вы, этолийцы храбрые мои,

Вперед!

(Ведет их через мост).

ПРОТОЭ.

Святая Артемида! Где ты!

Спаси нас от беды!

(Несет царицу, с помощью амазонок, снова на авансцену).

АМАЗОНКИ

(в смятении).

Попались мы!

Окружены, отрезаны! Бегите,

Спасайтесь, кто может!

ДИОМЕД

(Протоэ).

Эй, сдавайтесь!

МЕРОЭ

(бегущим амазонкам).

Безумные! Что делаете! Стойте!..
Протоэ! Посмотри!

ПРОТОЭ

(все еще возле царицы).

Беги за ними!

И, если можешь, — нас избавь от плена!

(Амазонки рассеиваются. Мероэ следует за ними).

АХИЛЛ

Ну, где же голова царицы?

ГРЕК.

Там.

АХИЛЛ

Десяток царств отдам я Диомеду.

ДИОМЕД

Сдавайтесь, — говорю вам!

ПРОТОЭ.

Победитель

Ее возьмет, не ты! Чего ты хочешь?

Она принадлежит Пелиду!

ДИОМЕД

Дайте

Ее сюда!

ЭТОЛИЕЦ

Давай!

АХИЛЛ

(отталкивая этолийца).

Тот станет тенью,

Кто здесь царицы вздумает коснуться.

Она моя! Вам нечего здесь делать!

ДИОМЕД

Ну да! Твоя! А по какому праву, —

Да видит Зевс, — и по какой причине?

АХИЛЛ

Как ни суди, — она моя. Отдай.

ПРОТОЭ.

Великодушен ты. Я не боюсь.

АХИЛЛ

(принимая царицу в свои объятия).

Ну, ничего.

(Диомеду).

Иди, преследуй, бей

Наездниц, — я побуду здесь с минуту.

Прочь! Я хочу. Не возражай. Гадесу

Не уступлю ее, — тебе подавно.

(Кладет ее у подножья дуба).

ДИОМЕД

Пусть так! За мной!

ОДИССЕЙ

(проходя с войском по сцене).

Счастливей час, Ахилл!

Прислать тебе звенящую кадригу?

АХИЛЛ

(склонившись над царицею).

Не надо. Здесь останусь.

ОДИССЕЙ

Ну, как хочешь.

За мной! Пока бабье не собралось.

(Одиссей и Диомед с войском уходят).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Ахилл. Свита греков и амазонок.

АХИЛЛ

(освобождая царицу от панцыря).

Она не дышит!

ПРОТОЭ.

Пусть бы эти очи

Для томного навек сомкнулись мира.

Я одного боюсь, чтоб не проснулась.

АХИЛЛ.

Куда ее я ранил?

ПРОТОЭ.

Встала бодро

Она, хоть твой удар был близок к сердцу.

Сюда ее с трудом мы привели,
 На этот холм хотели мы взобраться.
 Но было ль больно ей, иль огорченье
 Ее томило, — не могла она
 Перенести, что ты был победитель.
 Повиноваться отказались ноги;
 И, с бредом на тускнеющих устах,
 Она упала на руки мне снова.

АХИЛЛ.

Ты видишь, — вздрогнула?

ПРОТОЭ.

Вы, Олимпийцы!

Так не до дна еще испита чаша?
 Несчастливая она! Смотрите!

АХИЛЛ

Дышит.

ПРОТОЭ.

Коли тебе знакомо состраданье,
 И чувство в этом сердце шевелится,
 И смерти ей не ищешь, и в безумство
 Мятущуюся душу гнать не хочешь,
 То сделай, что прошу.

АХИЛЛ.

Скажи скорее!

ПРОТОЭ.

Уйди, уйди, о несравненный! Пусть,
 Проснувшись, тебя она не видит.
 Пускай уйдут соратники твои,
 И пусть, пока в дыханьи гор не встанет
 Светило дня, никто не подойдет,
 Не скажет ей убийственного слова:
 „Ты пленница Ахилла“.

АХИЛЛ.

Ненавидит

Меня?

ПРОТОЭ.

Не спрашивай, великодушный!
 Когда она, держась за надежду,
 Вернется к жизни, пусть не победитель
 Безрадостно ей встретится сначала.
 Ведь многое таится в сердце женщин.
 Что свету дня себя явить не хочет.

Пускай потом, как хочет рок, царица,
 Как пленница, приветствует тебя,
 Но сжался, этого не требуй раньше,
 Пока ее душа к тому готова будет.

АХИЛЛ.

Хочу с ней поступить, скажу тебе,
 Как поступил я с гордым Приамидом.

ПРОТОЭ.

Ужасный, как!

АХИЛЛ.

Ее страшит ли это?

ПРОТОЭ.

Нет имени тому, что сделать хочешь!
 И это тело юное, ужасный,
 Прелестное, как девочка с цветами,
 Бесстыдно хочешь ты, подобно трупу?..

АХИЛЛ.

Скажи ей, я ее люблю.

ПРОТОЭ.

О, боги!

АХИЛЛ.

Пред небом, да! Люблю, как любит муж:
 Желаньем полон, и стыдлив; невинен,
 И все же страстно жаждет обладанья.
 Хочу ее моей царицей сделать.

ПРОТОЭ.

О, боги вечные! Скажи мне снова,
 Ты хочешь?

АХИЛЛ.

Что ж, могу ль остаться?

ПРОТОЭ.

Дай мне,

Божественный, твои лобзать стопы.
 Теперь тебя бы я везде искала,
 Хотя б у Геркулесовых Столбов!
 Смотри: глаза открыла!

АХИЛЛ.

Шевельнулась.

ПРОТОЭ.

Теперь мужчины прочь отсюда, ты же,
 Пелид, скорей за этим дубом спрячься!

АХИЛЛ.

Уйдите же, друзья!

(Свита Ахилла уходит).

ПРОТОЭ

(Ахиллу, спрятавшемуся за дубом).

Еще подальше!

И, умоляю, не являйся раньше,

Чем позову тебя. Ты позволяешь?

Кто знает, что в ее душе творится!

АХИЛЛ.

Пусть будет так.

ПРОТОЭ.

Теперь, — смотри за нею.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Ахилл. Свита амазонок.

ПРОТОЭ.

Пентесилея! Видящая сны!

В сверкающих обителях каких

Ты, беспокойно трепеща, витаешь,

Как-будто бы не мило это тело,

А счастье, как юный царь, стучится

К тебе, царица, в грудь, и в изумленьи,

Что опустела милая обитель,

Готово отвернуться и уж к небу

Полет свой беглый вновь направить хочет.

Иль гостя, глупая, пленить не хочешь?

Приди на грудь мою, царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Где я?

ПРОТОЭ.

Не узнаешь ты голоса сестры?

Иль разве этот мост и эти скалы

Тебя к местам цветущим не вернули?

Смотри, — вокруг тебя столпились девы

Как бы у врат неведомого мира

Они стоят, приветствуя тебя.

Вздыхаешь? Что страшит тебя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Протоэ!

Что за ужасный сон приснился мне!

Как сладко мне, до слез, что я, проснувшись,
 Могу мое истерзанное сердце
 К твоей груди прижать, сестра моя!
 Мне снилось, что в яростном сраженьи
 Пелид сразил меня копьем: на землю
 Упала я в моей стальной кольчуге;
 Земля дрожит от моего паденья.
 Пока в испуге войско разбегалось,
 А я была недвижно распростерта,
 Он соскочил с коня уже; ко мне
 Шагами победителя приблизясь,
 Беспомощную он меня хватает,
 Под'емлет кверху мощными руками,
 И я, без сил схватиться за кинжал,
 К нему попалась в плен; вот, издеваясь,
 Меня к нему в палатку поведут.

ПРОТОЭ.

Царица дорогая! Он не станет,
 Великодушный, над тобой смеяться.
 Когда б сбылся твой сон, поверь мне, ты бы
 Пережила приятную минуту,
 И ты б увидела, наверно, в прахе
 Перед тобой склоненного Пелида.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Проклятье тем, кто дожил до позора!
 Проклятье мне, когда приму я мужа,
 Не покоренного мечом достойно.

ПРОТОЭ.

Царица, успокойся.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Успокойся?

ПРОТОЭ.

Не у моей ли верной ты груди?
 Что б ни назначила тебе судьба,
 Мы вместе понесем, спокойна будь.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Моя душа была тиха, как море,
 Лежащее в защите скал; не видно
 Малейшего движения волны.
 Но слово: „успокойся!“ всколыхнуло
 Меня, как ветер волны океана.
 Что было здесь, что требует покоя?

Так странно вы стоите, смущены,
И взоры вы бросаете,— о, небо! —
Как-будто бы чудовище за мною
Вам угрожает диким своим видом.
Ты слышишь, это был лишь сон, не явь.
Как! Было? Да? Все было? Как? Скажи!
А где ж Мероэ? Мегарис?

(Озирается и замечает Ахилла).

Ужасно!

Вот и стоит чудовище за мною.
Теперь, пока рука свободна...

(Выхватывает кинжал).

ПРОТОЭ.

Что ты!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О, ты, негодная, еще мешает.

ПРОТОЭ.

Ахилл! Спаси ее!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Безумна ты!

Он мне ногой наступит на затылок!

ПРОТОЭ.

Ногой, безумная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прочь! — говорю я.

ПРОТОЭ.

Несчастливая, смотри же на него!

Стоит он за тобою безоружен.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как? Что?

ПРОТОЭ.

Ну да! Готовый, если хочешь.

Надеть оковы на себя.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, что ты?

ПРОТОЭ.

Ахилл! Она не верит мне. Скажи ты!

ПЕНТЕСИЛЕЯ,

Он у меня в плену?

ПРОТОЭ.

Иначе как же?

АХИЛЛ

(выступив из-за дуба).

Конечно, благородная царица!
Отныне я всю жизнь мою отдам,
Чтоб трепетать в оковах этих взоров.

(Пентесилея закрывает лицо руками).

ПРОТОЭ.

Ну вот, ты слышала из уст его, —
Повергся он, как ты, при встрече, в прахе:
Пока ты бездыханная лежала,
Его обезоружили, — не так ли?

АХИЛЛ.

И привели к ногам твоим, царица!
(Преклоняет пред нею колени).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(после короткой паузы).

О, если так, приветствую тебя,
Румяный, юный бог, услада жизни!
Теперь опять, о сердце, кровь мою
Стреми; она, как-будто поджидая
Прибытия его, в груди стояла.
Вы, вестники крылатые веселья,
Вы, соки юности моей, раскройтесь,
По жилам растекайтесь ликуя,
И пусть, как знамя красное, повеет
Благая весть от всех моих сокровищ:
Сын Нереиды, юный бог — он мой!
(Встает).

ПРОТОЭ.

Царица дорогая, успокойся!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(идя вперед).

Вперед, венчанные победой девы,
Вы, дочери Арея, с головы
До пят еще покрыты пылью битвы,
Вперед, вперед, и за руки ведите
Пленных вами юношей — аргивян.
Вы, девушки, с кошницами спешите.
Где роз нам взять, чтобы столько сплести венков?
Ступайте на поля, вокруг, — скажу я, —
И эти розы, что весна отвергла,

Согрейте на полях дыханьем вашим!
 За ваше дело, вы, Дианы жрицы!
 Пускай сверкающие двери храма
 Благоуханного с великим шумом
 Мне распахнутся, словно двери рая!
 Бык тучный нужен мне, короткорогий.
 Сверкающим железом опрокинем
 Его, безгласного, в священном месте,
 Чтоб содрогнулись основы зданья.
 Проворные служительницы храма,
 Где вы? С поверхности тяжелых плит
 Проворно кровь, прилежные, смывайте
 Персидскими шипящими маслами.
 Наденьте легковейные одежды,
 Наполните свои золотые чаши.
 Гремите, трубы, бубны и кимвалы.
 Пускай от сладкозвучных ликований
 Трепещет прочный свод небесной тверди!
 Протоэ! Помоги мне ликовать,
 Придумай, о сестра моя, подруга,
 Скажи, как мне отпраздновать теперь
 Торжественнее самого Олимпа
 Брак этих призванных к войне невест
 С сынами Инаха, с сынами Марса!
 О где, Мероэ, ты? Мегарис где?

ПРОТОЭ

(подавляя волнение).

И радость, и печаль тебе вредны
 И одинаково влекут к безумью.
 Мечтой уже летишь ты в Фемискиру,
 И если так пределы переходишь,
 То мне сказать одно довольно слово,
 Чтобы оно порыв твой охладило.
 Взгляни вокруг, обманутая, где ты?
 Где твой народ? Где жрицы? Где Мероэ?
 Астерия? Мегарис? Где они?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(у ее груди).

О дай, Протоэ, сердцу моему
 На две минуты в тот поток веселья.
 Как запыленной девочке, войти.
 Касанье каждое могучих волн
 Ручья с моей груди смывает пятна.
 Ужасные отходят Эвмениды,

От близости богов яснее воздух,
И тотчас бы вмешалась я в их хор;
Не так, как раньше, к смерти я готова.
Но прежде ты скажи: прощаешь мне?

ПРОТОЭ

О, госпожа моя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я знаю, знаю, —

Все лучшее во мне подарок твой
Несчастье, говорят, нас очищает.
Любимая, я этому не верю.
Оно меня гневало; на богов
И на людей я страстно восставала.
Как странно! Было каждое лицо
С чертами радости мне ненавистно
У матери играя на коленях,
Дитя смеялось над моим страданьем.
Теперь хочу вокруг довольных видеть,
Всех осчастливить я хочу. О, друг мой!
Страдания творят людей-героев,
Но богом делает одна лишь радость.
Теперь скорей, однако, к делу. Войско
Должно готовым к возвращенью быть.
Лишь отдохнут животные и люди,
Мы вместе с пленниками в трудный путь
Итти должны к полям родимым нашим.
Где Ликаон?

ПРОТОЭ.

Кто?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с нежным неудовольствием).

Кто? А ты не знаешь?

Красавец тот, Аркадии герой,
Твоим мечом добытый. Что ж не здесь он?

ПРОТОЭ

(смущенно)

Еще томится он в лесах, царица,
Где остальных содержат пленных. Надо,
Чтоб, следуя закону, он не раньше
Предстал передо мной, как в Фемискире.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Позвать его! В лесу еще, — когда
Ему у ног моей Протоэ место!

Прошу, любимая, его ты кликни.
Стоишь ты возле, заморозком майским,
И радоваться жизнью мне мешаешь.

ПРОТОЭ

(про себя).

Несчастливая! — Ну хорошо, идите
И сделайте, что вам велит царица.
(Кивает амазонке, та уходит).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Кто с розами мне девушек позовет?
(Замечает розы на земле).
Смотри! Лежат, душистые какие,
На этом месте!

(Проводит рукою по лбу).

Ах, мой сон дурной!

(К Протоэ).

Дианы жрица здесь не проходила
Верховная?

ПРОТОЭ.

Как-будто нет, царица.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Откуда ж розы взялись здесь?

ПРОТОЭ

(быстро).

Вот странно!

Сбиравшие цветы в равнине дети
Оставили здесь целую корзину.
Но это нам благоприятный случай:
Я подберу душистые цветы
И заплету венок Пелиду. Хочешь?
(Садится у дуба).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прекрасная! Как трогательно это!
Да, да! А те махровые цветы
Тебе, — венок плести для Ликаона.
(Подбирает тоже розы и садится рядом с Протоэ).
Я музыки хочу. Я беспокойна.
Пускай поют. Пусть утешают звуки.

ДЕВУШКА

(из ее свиты).

Чего желаешь?

ДРУГАЯ.

Песнь победы?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Гимны.

ДЕВУШКИ.

Обманутая! Пусть. Играйте! Пойте!

ХОР ДЕВУШЕК

(с музыкой).

Аррей бежит. Смотрите, как, дымяся,
Стремятся кони белые к Аиду.
Ворота распахнули Эвмениды,
Ужасные, и запирают снова.

О Д Н А ИЗ ДЕВУШЕК.

Где медлишь, Гименей?
Зажги свой факел и свети, свети!
Где медлишь, Гименей?

ХОР.

Аррей бежит! и т. д.

АХИЛЛ

(во время пения приближается к Протоэ потихоньку).
Скажи! Чем кончится? Я знать хочу!

ПРОТОЭ.

Я умоляю, — потерпи минуту
Одну, великодушный, — ты увидишь.

(Когда венки свиты, Пентесилея обменивается венком с Протоэ, он и обнимаются и рассматривают их. Музыка умолкает. Амазонка возвращается).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Исполнила?

АМАЗОНКА.

Предстанет пред тобою
Герой Аркадии, Ликаон, скоро.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Пентесилея. Протоэ. Ахилл. Амазонки.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Приди, о, нежный Нереидин сын,
Приди к ногам моим сюда поближе!
Смелей вперед! Меня ты не боишься?
Тебе победой я не ненавистна?
Боишься той, что в прах тебя повергла?

АХИЛЛ
(у ног ее).

Цветы боятся ль солнца!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Хорошо!

Так на меня смотри ты, как на солнце.
Владычица Диана, ранен он!

АХИЛЛ.

Царапина на локте, и не больше.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прошу тебя, Пелид, не верь, что я
На жизнь твою когда-то покушалась.
Моя рука тебя сразила, правда,
Когда же ты упал, то стала я
Завидовать тебя принявшей пыли.

АХИЛЛ.

Молчи о том, когда меня ты любишь.
Уж заживает.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Ты меня прощаешь?

АХИЛЛ.

От радостного сердца.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты мне скажешь,

Что делает крылатая любовь,
Надев на льва строптивного оковы?

АХИЛЛ.

Шершавые его ласкает щеки,
И укрощает.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Вот теперь и ты
Свободен менее, чем дикий голубь,
Которого петлей поймает дева.
Знай, юноша, что чувства в этой груди,
Подобные рукам, тебя ласкают.

(Обвивает его венками).

АХИЛЛ.

Кто ты — чудесная жена?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Постой!

Сказала: тихо! Ты потом узнаешь.
Теперь лишь это легкое плетенье
Из роз вокруг чела, потом на шею,
На плечи, на руки, и вниз к ногам,
И снова к голове, вот так. Ты что
Вдыхаешь?

АХИЛЛ.

Аромат сладчайших уст.

ПЕНТЭСИЛЕЯ

(откидываясь назад).

То розы испускают ароматы. —
Нет! Нет!

АХИЛЛ.

Я у ствола хотел прильнуть к ним.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Созреют лишь, любимый, — рви тогда.
(Возлагает еще венок ему на голову, и отпускает его).
Вот как, — о, посмотри, прошу тебя, —
Идет к нему смягченный розы блеск!
Сияет лик его грозово-темный,
И юный день, о, милая подруга,
Когда от гор его низводят оры,
Алмазы сея под его шагами,
Не так красив и мил, как он. А очи
Его, не правда ль, как они сияют?
Клянусь! Таким увидев, сомневаюсь,
Что это он.

ПРОТОЭ.

О ком ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О Пелиде.

Скажи, сильнейшего из Приамидов
Не ты ль свалил перед стенами Трои?
И ты, пронзив вот этими руками
Бегущую стопу, за колесницей
Вниз головой его вдоль стен повлек?
Скажи! Чем ты взволнован? Что с тобой?

АХИЛЛ.

Да, я.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(пристально на него посмотрев).

Сознался он.

ПРОТОО.

Да, он, царица;
Его узнать ты можешь по примете.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Какая же примета?

ПРОТОО.

Вот доспехи.
Фетида, мать богов, их у Гефеста,
У бога пламени, ему достала!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так вот привет тебе, — мой поцелуй.
Неукротимейший, ты — мой! Ты мне,
О, юный бог войны, принадлежишь;
Кто спросит, чей ты, назови меня.

АХИЛЛ.

О, светозарное явленье, словно
С небес сошедшее непостижимо,
Кто ты? Как назову тебя, когда
Моя душа восхищенная спросит
Сама себя, кому принадлежит?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты так меня зови, чтобы мой образ
В твоём уме был этим словом вызван.
Дарю тебе кольцо я золотое.
Вот эти знаки — для тебя охрана.
Ко мне оно тебе откроет доступ.
Кольцо теряют, имя забывают!
Забудешь имя, потеряешь перстень, —
Мой образ в памяти твоей предстанет?
Закрыв глаза, его сумеешь вызвать?

АХИЛЛ.

Запечатлеется, как на алмазе.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Узнай, что я — царица амазонок.
Народ мой от Арея происходит.
Отрера — мать великая моя,
Народ зовет меня — Пентесилея

АХИЛЛ.

Пентесилея.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, я так сказала.

АХИЛЛ

Я в смертный час шепну: Пентесилея.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Дарю тебе свободу, — ты по воле
Остаться можешь иль бежать отсюда.
Другую цепь я знаю, легче роз,
Но меди крепче; сердце обвивая
Твое, она тебя ко мне привяжет.
Когда, звено к звену, она сомкнется,
И так огонь страстей ее спаяет,
Что время не разрушит, и ни случай;
Вернешься ты, как требует обычай,
Ко мне, мой юный друг, и позабочусь
Исполнить все, чего ты пожелаешь.
Скажи, согласен?

АХИЛЛ.

Да, вернусь, как конь,
Почувявший родного стойла запах.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Итак, надеяться я буду. Ныне
Обратно в Фемискиру мы идем;
Моя добыча вся твоею будет.
Тебе дадут пурпурные шатры,
Да и в рабах не будет недостатка,
Чтобы служить твоей державной воле.
Но так как от заботы не свободна
В походе я, — ведь сам ты понимаешь,
То с пленными останься ты иными.
Лишь в Фемискире, сыну Нереиды,
Могу тебе предаться я всецело.

АХИЛЛ

Пусть будет так.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(Протоэ)

Теперь скажи мне, где
Аркадец твой томится?

ПРОТОЭ.

О, царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как хочется мне, милая Протоэ
Чтоб ты его венчала!

ПРОТОЭ.

Он придет,
Венок, ему сплетенный, не увянет.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(вставая).

Теперь меня зовут дела другие,
Пусти меня.

АХИЛЛ.

Как?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Дай мне встать, мой друг.

АХИЛЛ.

Бежишь? Меня ты оставляешь раньше,
Чем чувству, наполняющему грудь,
Ты дашь, любимая, исход чудесный?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Друг, в Фемискире.

АХИЛЛ.

Здесь, моя царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, в Фемискире, в Фемискире, друг.
Пусти меня!

ПРОТОЭ

(удерживая ее беспокойно).

Царица, что ты хочешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(холодно).

Войска смотреть! Клянуся Стиксом, странно!
С Мероэ говорить хочу, с Мегарис.
Иль только мне и дела, что болтать?

ПРОТОЭ.

Еще бегущих войско гонит греков.
Мероэ пусть заботится о нем.
Ты отдыхай теперь. Лишь только враг
Отброшен будет за Скамандр, победно
Перед тобой твое предстанет войско.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(соображая).

Сюда? На это поле? Это верно?

ПРОТОЭ

Наверное. Надейся.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(Ахиллу).

Ты не медли.

АХИЛЛ.

Чудесная жена, скажи, зачем,
Ведя войска, подобная Афине,
Низверглась ты как-будто с облаков
И в спор наш из-за Трои вдруг вмешалась?
От головы до ног закрыта медью,
Как фурия пылая злостью странной,
Гонима кем же ты на племя греков?
Тебе лишь стоило бы нам явить
Спокойно красоту свою, чтоб видеть
Весь род мужей во прахе пред собою.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Ах, Нереидин сын! Мне не дана
Нежнейшая услада юных женщин;
На празднике, подобно вашим девам,
Когда соперничать в веселых играх
Сильнейшие сойдутся, я не смею
Возлюбленного высмотреть себе;
Движением цветка или смущенным
Моим лицом его завлечь не смею.
Где соловьем напоен лес гранат,
На утренней заре сказать не смею,
Припав на грудь его, — что это он.
Я юношу, избранника души,
Должна искать в кровавом поле битвы
И захватить железною перчаткой
Того, кем нежная томится грудь.

АХИЛЛ.

Откуда, от кого берет начало
Закон неженственный, — прости меня, —
И людям, и природе столь противный?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Откуда все святое происходит,
О юноша: с горы времен, которой
Никто не посетил, которой тайну
Закрыло небо облачным дыханьем.
Праматерей решение это было,
Сын Нереиды; мы ему покорны,
Как ты заветам праотцев своих.

АХИЛЛ.

Скажи яснее!

ПЕНТИСИЛЕЯ.

Хорошо. Так слушай.

Там, где владычествуют амазонки,
 Богопослушные когда-то жили,
 Свободные, воинственные скифы.
 Любому племени земному равны.
 Из рода в род, из века в век считали
 Своим Кавказ плодоносящий скифы.
 Когда Вексорис, эфиопский царь.
 Придя к подножию Кавказа, быстро
 Поверг во прах дружины шедших в битву,
 Он старцев и детей губил в долинах,
 Где их настиг его разящий лук:
 Весь целиком погиб могучий род.
 А победители вселились дерзко,
 Как варвары, в домах у нас; питались
 Плодами щедрой нашей почвы; чтобы
 Излить на нас всю меру поношенья,
 Они нарушили завет любви
 И, оторвавши от могилы мужа,
 Жену к позорному влачили ложу.

АХИЛЛ.

Губительна была судьба, царица,
 Чтоб царству женщин даровать начало.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но все, что человек снести не в силах,
 Мятежно с плеч своих он сбросит; терпит
 Он только гнет умеренных страданий.
 Лежали жены по ночам, таяся,
 Во храме Марса, бились о ступени
 И плакали, молясь об избавленьи.
 Когда же был назначен день для свадьбы
 Вексориса с царицею Танаис,
 Сокрыли в опозоренных постелях
 Они блестяще-острые кинжалы,
 Что сами в очагах своих сковали
 Из игл, запястий, пряжек, чтобы ими
 Тела гостей облобызать на свадьбе.
 В начале пира брачного царица
 Супругу в сердце свой кинжал вонзила.
 Закончил Марс тот пир за эфиопа,
 И в ночь одну кинжалами все племя
 Убийц до смерти заласкали жены.

АХИЛЛ.

Да, женщины способны это сделать.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

И вот что было решено народом:
 Свободны, словно ветер в чистом поле,
 Свершившие подобный подвиг жены
 И не подвластны больше роду мужей.
 Свое у них да будет государство,
 И в нем уже не станет раздаваться
 Повелевающее слово мужа.
 Закон себе уставят сами жены,
 Самих себя храня и защищая.
 И Танаис да будет там царицей.
 Тот муж, чей взор увидит это царство,
 Сомкнуть свои глаза навеки должен.
 И где еще родится мальчик, в ласке
 Тирана зачатой, его отправить
 За дикими отцами в Оркус надо.
 Арея храм наполнился сейчас же
 Толпою, чтоб великую Танаис
 Венчать защитницей таких порядков;
 В торжественный тот миг, когда она
 К ступеням алтаря пришла — громадный
 Лук золотой, эмблему царства скифов,
 Одним царям доступный только, взять
 Из рук украшенных верховной жрицы,
 Вдруг голос раздался, сказавший так:
 „Будить насмешки мужей только будет
 Такое царство, и падет при первом
 Нашествии воинственных соседей.
 Ведь слабы руки женщин, полногою
 Грудей стесненные, и силой лука
 Легко, как руки мужей, не управят”.
 Царица призадумалась недолго,
 Смущенная соблазном этих слов;
 Но вдруг, презревши робость тайной мысли.
 Грудь правую оторвала, и женщин,
 Могущих лук напрячь, кропила кровью,
 Но, не dokonчивши, без чувств упала.
 Так вот откуда слово „амазонки”!
 Потом венец надели на Танаис.

АХИЛЛ.

Клянусь я Зевсом, ей не нужно груди.
 Такая мужей всех бы покорила,
 И я пред ней склоняюсь всей душою.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Молчанием был встречен этот подвиг,
И только слышно было, как со звоном
Из рук верховной жрицы, смертно-бледной
И неподвижной, выпал этот лук.
Огромный, золотой, эмблема власти,
На мраморе ступеней трижды прянул,
Звуча, как колокол, скатился на пол,
И молчаливый, точно смерть, лежал.

АХИЛЛ.

Надеюсь, в царстве жен не подражает
Никто ее примеру?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Нет, конечно,—
Не все так пламенно свершали это.

АХИЛЛ

(с изумлением).

Как! Значит все же? Невозможно!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что ты?

АХИЛЛ.

Чудовищная сказка, значит, правда?
И все эти цветущие обличья
Вокруг тебя, краса и слава женщин,
Блещающие словно алтари,
Пред коими любовь колена клонит,
Позорно так ограблены они?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Ты этого не знал?

АХИЛЛ

(прижимаясь лицом к ее груди).

О ты, царица!

Хранилище нежнейших, юных чувств
Безумно, варварски...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но будь спокоен.

Сюда переселилися, налево,
Все эти чувства, где им ближе к сердцу.
Надеюсь, ты их все найдешь во мне.

АХИЛЛ.

Предутренние сны правдоподобней,
Клянусь, мне кажется, чем этот миг.
Но дальше...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что?

АХИЛЛ.

Конца ты не сказала.

Как это царство гордых амазонок,
Меж помощи мужей возникнув, может
Без их участия продолжаться? Или
Девкалион порою вам бросает
Одну из глыб своих вниз головою?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Когда, по годовым подсчетам, царство,
Где смерть сбирала дань, царица хочет
Пополнить, то зовет она сильнейших
Из жен...

(Останавливается и глядит на него).

Чему ты улыбнулся?

АХИЛЛ.

Я?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Мне показалось, ты смеешься, милый

АХИЛЛ.

Красе твоей. Рассеян я. Прости.
Подумал я, что ты с луны спустилась

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

(после паузы).

Когда, по годовым подсчетам, царство,
Где смерть сбирала дань, царица хочет
Пополнить, то зовет она сильнейших
Из жен со всех концов своей земли
В столицу, и во храме Артемиды
Мы молим, чтобы в юные их чресла
Был послан плод от семени Арея.
Тот день проходит нежен, тих. Зовется
Он праздником цветущих дев. Мы ждем,
Когда снега растают и лобзанья
Свои весна дарует мирным долам.
Дианы жрица чтимая идет
Во храм Арея и возносит к богу,
Пред алтарем повергшись ниц, мольбы

Мудрейших матерей народа. Если
 Захочет бог молитвы те услышать,—
 А часто он отказывает: горы
 Немного снега отдают долинам,—
 Он нам укажет через жриц своих
 Народ прекрасный, смелый, тот, который,
 Представ пред нами, нам ею заменит.
 Лишь только названы страна и племя,
 Во всех концах начнется ликование.
 Невесты Марса — называют дев,
 Им матери дарят оружие,— стрелы,
 Кинжалы,— все их члены облачают,
 Усердно, с ликованием служа им,
 В железную венчальную одежду.
 Назначен день веселый отправленья,
 Раздастся звук смятенных труб, садятся
 Отряды дев, шепчась, на коней; тихо,
 Как-будто стук копыт закутан в войлок,
 В сияньи ночи полем, лесом едут
 К стоянке дальней избранных. Достигнув
 Страны, помедлим у ее границы
 Еще два дня, — животные и люди;
 И, словно огнекрасный вихрь, ворвемся
 В толпу мужей, и вдруг сметаем
 Их, обреченных, падающих, точно
 То семена с вершин деревьев, если
 Их сотрясаешь над родимой нивой.
 В Дианин храм ведем и чтим их там
 Чредой священных празднеств, о которых
 Я только имя знаю, — праздник роз.
 Никто туда под страхом смертной казни
 Войти не смеет, кроме дев избранных,
 Пока цветущий не взойдет посев;
 Потом одариваем их по-царски
 И отправляем в праздник Материнства
 Домой на пышно убранных повозках.
 Но праздник этот вовсе не веселый,
 Сын Нереиды, — многие заплачут,
 И не одно дивится сердце, скорбью
 Охваченное мрачною, как можно
 Танаис прославлять на каждом слове.
 О чем ты думаешь?

АХИЛЛ.

Я?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты.
АХИЛЛ
(рассеянно).

О многом,
Возлюбленная, что в слова замкнуть
Я не могу. Ты и меня отправишь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Не спрашивай. Не знаю, милый.

АХИЛЛ.

Странно!
(Погружается в размышления).
Но ты еще одно мне объясни.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Охотно, друг, отвечу.

АХИЛЛ.

Как понять мне,
Что ты меня преследуешь так рьяно?
Как-будто я тебе знаком.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Конечно.

АХИЛЛ.

Но как?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Над глупою не посмеешься?

АХИЛЛ
(улыбаясь).

И я, как ты, скажу: не знаю.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Слушай.

Узнаешь все. Веселый праздник розы
Я в жизни видела уж двадцать раз
И три, но видела лишь издалека.
И вот из храма средь дубовой роши,
Когда кончалась мать моя Отрера,
Я слышала веселый крик,—Арей
Избрал меня невестою своею.
По своему желанью никогда
Царевны рода моего не вступят
На праздник тех цветущих дев; сам бог,
Одной из них возжаждет, призывает
Ее к себе устами главной жрицы.
В моих руках кончалась мать, бледнея,

Как раз в тот час, когда в мои палаты
 С великим торжеством был принесен
 Арея зов, — сразившись у Трои,
 Его вести венчанного оттуда.
 Случилось, что нигде наместник бога,
 Желанный для невест, не находился,
 Лишь среди греческих вождей, у Трои,
 Везде звучали радостные крики.
 На площадях повсюду гимны пелись
 О подвигах, — о яблоке Париса,
 О похищении Елены, об Атридах,
 Ладей водителях, о споре мужей
 За Бризеиду, о сожжении лодок,
 О гибели Патрокла и о мщении
 Твоем, о тех торжественных поминках
 И обо всем, что в эти дни случилось.
 Я, горькая, слезами обливаясь,
 Лишь половину слышала того,
 Что в смертный час Отреры мне сказали.
 „Позволь с тобой остаться, — я зывала, —
 И наглядеться на тебя, о мать,
 А эти женщины пускай уходят!"
 Но уж давно великая царица
 Меня хотела видеть в ратном поле,
 Чтоб без наследницы не стал престол
 Честолюбивых происков предметом.
 Она сказала: „Милое дитя,
 Арей зовет, иди, венчай Пелида,
 Будь матерью счастливою, как я".
 Мне сжала нежно руку, и почил.

ПРОТОЭ.

Итак, она тебе назвала имя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как мать, что верит дочери своей,
 Она его назвала мне, Протоэ.

АХИЛЛ.

А что об этом говорит закон?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Не подобает дочери Арея
 Искать противника, — она должна
 Избрать того, кого ей бог откроет.
 Но благо ей, когда она стремится
 Туда, где лучшие стоят. Не так ли,
 Протоэ?

ПРОТОЭ.

Да.

АХИЛЛ

И что ж?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

В слезах томилась

Я долго, — целый месяц, полный скорби, —
У гроба отошедшей, и короны,
Бесцарственно лежавшей, не касалась,
Пока меня насильственно не кинул
На трон стократный зов народа: он,
В поход спеша, дворец нетерпеливо
И шумно окружал. Я появилась,
Взволнована мучительной печалью,
Во храме Марса: лук мне дали в руки,
Звонящий символ царства амазонок.
Дух матери носился надо мною,
И самое святое, мне казалось,
Ее последнюю исполнить волю.
Тогда, цветы душистые рассыпав
На саркофаг Отреры, я пошла
Со всею вместе ратью амазонок
К Дарданской крепости, не столько Марсу,
Меня позвавшему к тем стенам богу,
Как матери желая угодить.

АХИЛЛ.

Недолго горе затмевало силу,
Которую твоя лелеет грудь.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Любила я ее.

АХИЛЛ.

И что ж?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так сильно,

Что в час, когда мы подошли к Скамандру,
И все долины, где я проносилась,
Звучали откликами битв троянских,
Исчезла скорбь; в душе моей возникнул
Великий мир воинственных утех.
Я думала: „Когда бы все предстали
Истории великие мгновенья,
Все повторились, если бы весь стан
Героев тех, которых славят песни,
Сошел ко мне от звезд, — я не нашла бы

В них лучшего, чтоб розами венчать,
 Чем тот, о ком мне мать моя сказала.
 Любимый, дикий, нежный и ужасный,
 Сразивший Гектора! Пелид! Моя
 Мечта всегдашняя в часы дневные,
 Мой вечный сон был ты! Передо мною
 Раскинулся весь мир узорной вязью,
 И каждая петля ее большая
 Один из подвигов твоих являла.
 Я в сердце белом, чистом, словно шелк,
 Цветами пламенными выжгла каждый.
 Я видела, как наземь перед Троей
 Бегущего поверг ты Приаида,
 Как ты, пылая торжеством победы,
 Глядишь вокруг, а по нагой земле
 Влечется, весь в крови, его затылок,
 Как царь Приам перед тобой склонился,—
 И думала я, проливая слезы,
 Что все ж одно, о беспощадный, чувство
 В груди, как мрамор твердой, затрепешет.

АХИЛЛ

Любимая!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

Но что со мною случилось,
 О друг, когда тебя я увидела!
 Когда стоял ты на берегу Скамандра,
 Героями Эллады окруженный,
 Дневное солнце между тусклых звезд!
 Так было бы со мной, когда бы сам он
 На белых конях с грохотом с Олимпа
 Низвергнулся, он сам, мой Марс, бог битв,
 Чтобы приветствовать свою невесту.
 Как ослепленная, перед тобою
 Стояла я, как странник ночью темной,
 Когда блеснет вдруг молния, ворота
 В Элизиум с сиянием и с громом
 Открывши и закрывши пред душою.
 Пелид, я угадала в то мгновенье,
 Какое чувство хлынуло мне в грудь.
 То бог любви меня настиг. Я быстро
 Решилась одного из двух добиться:
 Иль победить тебя, или погибнуть;
 И я теперь сладчайшего достигла.
 Куда ты смотришь?

(Слышен вдали звон оружия).

ПРОТОЭ
(шопотом).

Сын богов, немедля
Ты ей открыться должен, — умоляю!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(срываясь).

Подруги, близко аргивяне! В битву!

АХИЛЛ
(удерживая ее).

То — пленники. Спокойна будь, царица.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

То — пленники?

ПРОТОЭ
(шопотом Ахиллу).

Улисс, клянуся Стиксом!
Твои, теснимые Мероэ, отступают.

АХИЛЛ
(про себя).

Окаменели б лучше!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что такое?

АХИЛЛ
(с напускною веселостью).

Ты мне родишь, конечно, полубога!
Пусть Прометей, от ложа своего
Восставши, возвестит земным народам:
Вот человек, какого я желал!
Но не пойду с тобой я в Фемискиру,
А ты пойдешь со мной к цветущей Фтии:
Туда, когда народ мой войны кончит,
Ликующий, я уведу тебя,
И на престоле предков увенчаю.
(Шум продолжается).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как? Ничего не понимаю!

АМАЗОНКИ
(беспокойно).

Боги!

ПРОТОЭ

Сын Нереиды, хочешь?..

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что же? Что там?

АХИЛЛ.

Нет, не пугайся ничего, царица.
Уж близок час, когда и ты узнаешь,
Какой удел тебе судили боги.
Да, правда, силою любви я — твой ;
Носить я буду вечно эти узы,
Но счастьем бранным ты мне отдана.
И это ты к моим ногам поверглась,
Когда в бою мы встретились, — не я.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(загораясь негодованием).

Чудовище!

АХИЛЛ.

Не гневайся, царица!
Не властен сам Кронион в том, что было.
Собою овладей, и слушай твердо,
Что скажет вестник. Кажется, подходит
Ко мне с какой-то он дурною вестью.
То весть не для тебя, ты понимаешь,
Твоя судьба навеки решена,
Ты — пленница моя, и Цербер даже
Тебя б не так неистово хранил.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я — пленница твоя?

ПРОТОЭ.

Он прав, царица.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(вздымая руки).

О, силы неба! Вас я призываю!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Входят военачальник, свита Ахилла с его доспехами. Те же.

АХИЛЛ.

Что ты приносишь мне?

ВОЕНАЧАЛЬНИК.

Спешу, Пелид!

Переменилось счастье брани; снова
Оно влечет к победе амазонок.
Сюда они стремительно несутся,
И их военный клич: Пентесилея!

АХИЛЛ

(встает; сбрасывает венки).

Оружие сюда! Коней ведите!
Моею колесницей растопчу их!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(дрожащими губами).

Ужасный! Посмотрите! Он ли это?

АХИЛЛ

(дико).

Они еще далеко?

ВОЕНАЧАЛЬНИК

Здесь в долине

Их полумесяц виден золотой.

АХИЛЛ

(вооружаясь).

Увесть ее.

ГРЕК.

Куда же?

АХИЛЛ.

В лагерь греков.

Туда приду я скоро вслед за вами.

ГРЕК

(Пентесилее).

Вставай!

ПРОТОЭ.

Моя царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(вне себя).

Зевс, зачем же

Ты ни одной мне молнии не бросишь!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Одиссей и Диомед с войском. Те же.

ДИОМЕД

(проходя по сцене).

Беги, герой долопский! Прочь отсюда!

Единственный, тебе еще открытый,

Наездницы отрезают путь.

Спешу.

(Уходит).

ОДИССЕЙ.

Царицу уведите, греки!

АХИЛЛ

(военачальнику).

Алексис, помоги ей, будь мне другом!

ГРЕК

(военачальнику).

Она нейдет.

АХИЛЛ

(прислуживающим ему грекам).

Копье и щит мне дайте!

(Окликает сопротивляющуюся царицу).

Пентесилея!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нереидин сын!

Итти за мной не хочешь в Фемискиру?

Итти не хочешь в этот храм, который

Вздывается над дальними дубами?

Приди, еще не все сказала я.

АХИЛЛ

(облеченный в доспехи, подходит и протягивает ей руку).

Во Фтию, милая.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О, в Фемискиру!

Я умоляю, — в Фемискиру, друг,

Где над дубами храм Дианы виден.

И если б край блаженных был во Фтии,

То все же, все же в Фемискиру, друг мой,

Где над вершинами Дианин храм.

АХИЛЛ

(поднимая ее).

Должна меня простить ты, дорогая;

Такой же храм я у себя воздвигну.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Мероэ, Астерия с войском амазонок. Те же.

МЕРОЭ.

Вали его!

АХИЛЛ

(выпускает царицу и оборачивается)

На бурях вы примчались?

АМАЗОНКИ

(врезаясь между Пентесилеею и Ахиллом) .
Освободить ее!

АХИЛЛ.

Клянусь моей десницей!
(Хочет увлечь за собою царицу).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(привлекая его к себе).
За мной не хочешь? Нет?
(Амазонки нацеливают луки).

ОДИССЕЙ.

Безумец! Прочь!
Не место здесь упрямиться. За мною!
(Он увлекает Ахилла прочь. Все греки уходят).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Верховная жрица Дианы со жрицами. Те же без греков.

АМАЗОНКИ.

Царица спасена! Мы победили!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(после паузы).
Будь проклята позорная победа!
Язык, ее хвалящий, проклинаяю
И воздух, разносящий те слова!
Иль несогласно честным бранным нравам
Ему досталась я на поле битвы?
О, если род людской не подражает
Волкам и тиграм в спорах меж собою,—
Возможен ли, спрошу, такой обычай,
Чтоб сдавшийся, чтоб пленник смел уйти
От победителя и сбросить узы?
Сын Нереиды!

АМАЗОНКИ.

Боги, нас услышьте!

МЕРОЭ.

Прошу тебя, о жрица Артемиды
Достопочтенная, приблизься.

АСТЕРИЯ.

В гневе,
Что мы ее избавили от рабства!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(выступая из толпы женщин).

Теперь сама достойно ты, царица,
 Должна сознаться я, позорной речью
 Деянья дня безумного венчаешь.
 Не только ты презрев обычай, в поле
 Сражения противника искала,—
 Не только ты его не поразила,
 Сама упав пред ним, — не только ты
 Его за то и розами венчаешь:
 На верный твой народ ты негодуешь,
 Порвавший цепь твою, его бежишь,
 И победителя зовешь ты снова.
 Ну что же, дочь великая Танаис,
 Прошу — ошибка то была, не больше,—
 Прощения за быстрый наш поступок.
 Теперь о пролитой жалею крови;
 Из-за тебя потерянных желала б
 От всей души я пленников вернуть.
 Скажу я смело именем народа:
 Стопы направь теперь, куда ты хочешь,
 Беги за ним, одежды развевая,
 За тем, кто заковал тебя в оковы,
 Ему отдаться там, где он разбит был,—
 Так хочет ведь закон войны священный!
 Но мы, — но нам ты разрешишь, царица,
 Войну прервав, стоны свои направить
 Обрато в Фемискиру, в край родимый.
 По крайней мере, мы не можем греков,
 Что там бегут, молить, чтобы остались,
 Или, как ты, держа венки победный,
 Просить их в прах у наших ног склониться.
 (Пауза).

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(шатаясь).

Протоэ!

ПРОТОЭ.

Милая!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Прошу, останься!

ПРОТОЭ.

На смерть, ты знаешь! Что дрожишь, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, ничего, сейчас приду в себя.

ПРОТОЭ.

Велико горе, — встретить его с величием.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Мы потеряли их?

ПРОТОЭ.

Кого, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Весь юный сонм, который мы пленили?
Я виновата?

ПРОТОЭ.

Успокойся. Снова

В иной войне все это ты вернешь нам.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(у ее груди).

О, никогда!

ПРОТОЭ.

Царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Никогда!

Хочу я схорониться в вечном мраке!

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ.

Вестник. Те же.

МЕРОЭ.

К тебе, царица, вестник!

АСТЕРИЯ.

Что за вести?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(слабо радуясь).

Пелид прислал! Ах, что же я услышу?

Протоэ, пусть уходит он!

ПРОТОЭ.

Что скажешь?

ВЕСТНИК.

Меня прислал к тебе Ахилл, царица,
Венчаный камышом сын Нереиды,
Чтоб возвестить тебе через меня:
Тебя желанье гложет, — полонивши
Его, вести к себе в твой край родимый.

Но и в его душе горит желанье
 Тебя пленить и увести с собою,—
 Так он тебя на смертный поединок
 Зовет еще один, последний раз,
 Чтоб меч решил, судьбы язык железный,
 Перед лицом всеправедных богов,
 Кто, ты иль он, из вас двоих достоин,
 По их святому заключенью, в прахе
 У ног противника распростереться.
 Отважишься ль на этот поединок?

ПЕНТЕСИЛЕЯ
 (быстро побледневши).

Пусть молния спалит тебе язык,
 Болтун проклятый, если слово скажешь!
 Приятней слушать громыханье камня
 В его паденьи бесконечном в пропасть,
 Когда скользит он по отвесным скалам.

(К Протоэ).

Ты повторишь мне это слово в слово.

ПРОТОЭ
 (дрожа).

Пелея сын послал его сюда;
 Тебя он вызывает снова в поле.
 Ты откажись. И „нет!“ — скажи ему.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, это невозможно.

ПРОТОЭ.

Как, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пелея сын зовет меня на битву?

ПРОТОЭ.

Сказать мне: „Нет!“ и отпустить его?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пелея сын зовет меня на битву?

ПРОТОЭ.

На битву, госпожа, я так сказала.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Тот, кто всю слабость перед ним мою
 Узнал, на бой зовет меня, Протоэ?
 Грудь верная моя его взволнует,
 Когда ее копьем изранит он?

И что я здесь ему шептала, только
 Как музыка речей ему звучало?
 Не думает о храме под дубами?
 Или моя рука венчала камень?

ПРОТОЭ

Забудь жестокого.

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(пылая).

Так хорошо же,

Найду я сил ему противостоять!
 Повергнется он в прах, хотя б хранили
 Его гиганты сами и лапиты!

ПРОТОЭ.

Царица милая!

МЕРОЭ.

Подумай раньше!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(прерывая ее).

Вы пленников своих себе вернете!

ВЕСТНИК.

Согласна ты сразиться?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, согласна.

Пусть он перед лицом богов и фурий,
 Которых я зову, меня встречает.

(Гремит гром).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Тебя я оскорбить, Пентесилея,
 Могла. Но ты пойми, что скорбь...

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(подавляя слезы).

Оставь!

Увидишь, — ты не даром говорила.

МЕРОЭ.

Достойная, уговори царицу!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ты слышала ль, царица, гневный голос?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Со всеми громами его зову я.

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
(волнуясь).

Царевны!

ВТОРАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Невозможно!

ТРЕТЬЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Нет, не надо!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(раз'ярьсь).

Сюда, Ананке! Где твои собаки?

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Устали мы. Нет сил.

ВТОРАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА
Все в беспорядке.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Твои, Тирроэ, где слоны?

ПРОТОЭ.
Царица!
Его собаками, слонами хочешь?...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Серпами блещущие колесницы,
На поле битвы жатву режьте, режьте,
Спешите в шумные ряды жнецов!
А вы людскую ниву молотите,
Чтоб стебель и зерно навек погибли,
Вы, всадницы, вокруг меня собирайтесь!
Все адское величие войны
Зову сюда, весь ужас, всю погибель!

(Схватывает у одной амазонки лук. Амазонки со сворами собак
Затем слоны, факелы, колесницы и т. п.).

ПРОТОЭ.
Царица милая! Меня послушай!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(обращаясь к собакам).
Гей, Тигрис, ты мне нужен! Гей, Леене!
Гей, гей, Меламп со спутанною шерстью!
Гей, Акле, лисолов! Гей, Сфинкс! Гей, ты,
Алектор, обгоняющий всех ланей!
Гей, гей, мой Оксус! Вепря ты сильнее!
Гей, Хиркаон! Ты тигра не боишься!
(Сильный удар грома).

ПРОТОЭ.

Царица, вне себя!

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Она безумна!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(опускаясь на колени с видом безумной, меж тем как собаки поднимают ужасный вой).

Тебя, Арея грозного, тебя,
Родоначальник мой, я призываю!
Прошу твоей железной колесницы!
Ты ею разрушаешь, истребитель,
И стены, и ворота городов,
И множества людские топчешь ею.
Прошу твоей железной колесницы!
Легко, легко вскочу я в колесницу,
Схвачу поводья, по полям промчуся,
И, как стрела громовая из тучи,
На грека этого удар обрушу!
(Встает).

ПЕРВАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Царевны!

ВТОРАЯ ВОЕНАЧАЛЬНИЦА

Эй, безумную держите!

ПРОТОЭ.

Послушай же меня!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(напрягая лук).

Эй, веселее!

Ну что, покорны ли еще стрелы?
(Прицеливается в Протоэ)

ПРОТОЭ

(падая ниц).

О, боги! О!

ЖРИЦА

(быстро становясь сзади царицы).

Ахилл зовет!

ВТОРАЯ ЖРИЦА

(также).

Пелид!

ТРЕТЬЯ ЖРИЦА.

Здесь, за тобой!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(оборачиваясь).

Где?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Разве то не он был?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, фурии еще здесь не собрались!
За мной, Ананке! Все за мной идите!
(Уходит со всем обозом под сильные удары грома).

МЕРОЭ

(поднимая Протоэ).

Ужасная!

АСТЕРИЯ.

За ней спешите, девы!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(смертельно бледная).

О, боги вечные! Что с нами будет?
(Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Ахилл, Диомед, затем Одиссей, позже вестник.

АХИЛЛ.

Послушай, Диомед, будь друг, — ни слова
Изо всего, что я тебе открою,
Не говори ворчливому Улиссу.
Противно, тошно мне бывает, если
Усмешку на его губах увижу.

ДИОМЕД

Послал ли ты к ней вестника, Пелид?
Ужель послал?

АХИЛЛ.

Тебе признаюсь, друг.
Но ты не возражай мне, понимаешь?
Влюбилась эта странная царица,
И фурия, и грация, в меня.
На зло всем женщинам Эллады, — Стиксом
Клянусь и всем Гадесом! я влюблен.

ДИОМЕД

Что?

АХИЛЛ.

Да. Но хочет сказка, ей святая,
Чтоб я был их мечом в бою повержен.
Иначе ей нельзя меня любить.
И я послал...

ДИОМЕД

Безумец!

АХИЛЛ

Нет, ты слушай!

Чего не видел ты на свете сам
Своими синими очами, в мыслях
Того себе представить ты не можешь.

ДИОМЕД

Ты хочешь? Да?

АХИЛЛ

(после паузы).

Чего же я хочу?

Ну, что ж ужасного ты в этом видишь?

ДИОМЕД

Ее на бой ты вызвал только ради
Того, чтоб ей?...

АХИЛЛ

Тучегонитель видит,

Она мне не опасна! Верь, скорее
Ее рука с ее сразится грудью
И, сердце ранив, вскрикнет о победе,
Чем на меня поднимется! На месяц
Хочу ее покорствовать желанью,
На месяц, на два, только; от того
Из'еденный волнами перешеек
Ведь не обвалится. Потом свободен,—
Она сама сказала мне, — я буду,
Как дичь в лесу. Когда пойдет за мною,
Клянусь Юпитером! я буду счастлив
И возведу ее на трон отцовский.
(Входит Одиссей).

ДИОМЕД

Сюда, Улисс, прошу тебя.

ОДИССЕЙ

Пелид!

Царицу вызвал ты на поле брани.
Ты хочешь утомленные войска
Сомнительному жребию подвергнуть?

ДИОМЕД

Не в жребии тут дело и не в битвах;
Он просто хочет в руки ей отдаться.

ОДИССЕЙ.

Что

АХИЛЛ

(кровь бросается ему в голову).
Убери свое лицо, прошу я!

ОДИССЕЙ.

Он хочет?

ДИОМЕД

Слышишь сам. Разбить ей шлем,
Борцу подобно, злобою пылая,
Ударить в щит, чтоб сыпалися искры,
И все затем, чтоб, словно побежденный,
Упасть безгласно к маленьким ногам.

ОДИССЕЙ.

Да не с ума ль он сходит, сын Пелея?
Ты слышал, что он?..

АХИЛЛ

(сдерживая себя).

Я прошу тебя,
Не распускай ты губ своих, Улисс!
Клянусь богами праведными, эти
Твои слова меня на драку тянут.

ОДИССЕЙ

(гневно.)

Клянусь Коцитом огненным! Хочу я
Узнать, солгали уши мне, иль нет!
Тидея сын, теперь тебя прошу я
Мне с клятвой подтверди, чтоб ясно понял
Я все, о чем хочу тебя спросить.
Пелид царице в плен отдаться хочет?

ДИОМЕД

Ты слышал сам.

ОДИССЕЙ.

Он хочет в Фемискиру?...

ДИОМЕД

Ну, да.

ОДИССЕЙ.

И наш эллинский спор за город
Дарданцев он, безумный, хочет бросить,
Как детскую игру, на произвол
Судьбы, игрой поярче увлеченный?

ДИОМЕД
Юпитер видит!

ОДИССЕЙ
(скрещивая руки).
Не могу поверить!

АХИЛЛ.
Он говорит о Трое!

ОДИССЕЙ.
Что?

АХИЛЛ.
Ну, что?

ОДИССЕЙ.
Сказал ты что-то!

АХИЛЛ.
Я?

ОДИССЕЙ.
Да, ты.

АХИЛЛ.
Сказал:
О Трое говорит он.

ОДИССЕЙ.
Да, конечно!
Как одержимый, спрашиваю, разве
Весь спор эллинский о дарданских стенах
Уж позабыт, как сон передрагсветный?

АХИЛЛ
(подходя к нему).
О, Лаэртид, когда б дарданский город
Вдруг опустился так, чтоб голубое
На этом месте озеро плескалось;
Когда б рыбак седой при лунном свете
Челнок привязывал к вершинам башен;
Когда бы щука воцарилась в доме
Царя Приама, или пара гадин
Елены ложе стала б осквернять, —
Я так же бы остался равнодушен.

ОДИССЕЙ.
Клянусь я Стиксом! Говорит он твердо!

АХИЛЛ.

Клянусь я Стиксом! Гадесом! Лернейским
Болотом! миром верхним, миром нижним,
И всяким третьим, — я решился твердо.
Хочу Дианин храм я увидеть!

ОДИССЕЙ

(почти на ухо Диомеду).

Не отпускай его, о Диомед,
Когда его ты любишь!

ДИОМЕД

Я? Еще бы!

Ты тоже? Ну, так дай свои мне руки!

(Вестник входит).

АХИЛЛ.

Ну, что? Согласна? Что? Скажи, согласна?

ВЕСТНИК.

Да, Нереидин сын, она согласна.
Подходит уж; но с ней слоны, собаки
И шайка целая наездниц диких.
Зачем они при поединке, странно!

АХИЛЛ.

Отлично. Дань обычаю. За мною!
Клянусь богами вечными, забавна!
С собаками?

ВЕСТНИК.

Ну да.

АХИЛЛ.

И со слонами?

ВЕСТНИК.

И посмотреть, Пелид, так ужаснешься.
Когда бы на Атридов нападать
В троянский лагерь шла она, ужасней,
Свирепей ополченья не могло быть.

АХИЛЛ

(в бороду).

Приручены конечно! Все за мною!
О, кротки, как сама она!

(Уходит со свитою).

ДИОМЕД
 Безумец!
 ОДИССЕЙ.
 Связать, скрутить! Дослушайте же, греки!

ДИОМЕД
 Сюда идут уж амазонки. Прочь!
 (Все уходят).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Верховная жрица, бледная; многие другие жрицы и амазонки.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.
 Сюда веревок, жены!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.
 Мать святая!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.
 Свалите на землю ее! Вяжите!

О Д Н А ИЗ АМАЗОНОК.
 Ты о царице говоришь?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.
 О суке!
 Руками уж ее не удержать нам!

АМАЗОНКИ.
 О, мать почтенная, ты вне себя!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.
 Ее сдержать пришли мои три девы,—
 Их в ярости повергла в прах; Мероэ,
 За то, что на коленях перед нею
 Ее молила, нежно именуя,
 Собаками велела затравить.
 А я поодаль стала от безумной;
 Она, склонясь, обеими руками
 Схватила камень, бешено метнула
 В меня свирепый взгляд, и я погибла б,
 Когда б в толпе народа не укрылась.

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.
 О, как ужасно!

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Жутко мне, подруги!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Вот, с пеной на устах, среди собак
Беснуется теперь, зовет их: — Сестры! —
Их, воющих. Подобная менаде,
Несется по полям и луком машет;
Свор смертоносных, вокруг нее бегущих,
Злость разжигает на поимку дичи,
Какой, — кричит, — земля еще не знала.

АМАЗОНКИ.

Аида боги так ее карают!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Проворней же, о, дочери Арея,
На перекрестке растяните сети,
Прикройте хворостом, и только ступит
Ее нога в петлю, ее валите
На землю вы как бешеного пса.
Связав, ее отправим в Фемискиру
И попытаемся спасти царицу.

ВОЙСКО АМАЗОНОК

(за сценою).

Победа! Слава! Слава! Взят Ахилл!
Герой в плену! Венком из роз готова
Уже его царица увенчать!
(Пауза).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(от радости сдавленным голосом).

Я не ослышалась?

ЖРИЦЫ и АМАЗОНКИ.

Благие боги!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Не ликования ли это крики?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Высокочитимая, то — крик победы.
Блаженной вести я еще не знала!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Кто принесет мне вести?

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

Тэрпи, живо!
Скажи, что видишь ты на том холме?

АМАЗОНКА

(перед этим взобравшаяся на холм, в ужасе.)
О, сумрачные боги ада, вас
Зову в свидетели! О, что я вижу!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ну что ж? Медузу, что ли, увидала?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Что видишь? Говори!

АМАЗОНКА

Пентесилея
Ползет, с жестокими смешавшись псами,
Людской забыв свой облик, разрывает
Ахилла тело, в клочья разрывает.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, ужас! ужас!

ВСЕ.

Страшно!

АМАЗОНКА

Вот идет
Сюда, как мертвая бледна, и с нею
Решение кровавой той загадки.
(Сходит с холма).

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Мероэ. Те же.

МЕРОЭ.

О, слушайте меня, святые жрицы
И непорочные Арея дщери:
Я — словно африканская горгона.
От слов моих вы в камень превратитесь.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Скажи нам вести злые.

МЕРОЭ.

Вам известно, —
К любимому навстречу устремилась,

Она не растоптала червяка
 Ползущего, свивая пятна колец.
 Стрелу, что вепрю поразила грудь,
 Она вернула б, словно очи зверя
 В тоске смертельной звали к милосердию,
 И на колени стать была готова.

(Пауза).

МЕРОЭ.

Теперь безмолвно, ужасом полна,
 Стоит над трупом. Кровь собаки лижут.
 Победоносный лук за плечи бросив,
 Вперила взор, как-будто в лист пустой,
 В безбрежность пред собою, и молчит.
 Нам ужас косы зыблет. Вопросаем,—
 Что сделала? Молчит. Нас узнаешь ли?
 Молчит. За нами ты пойдешь? Молчит.
 Меня об'емлет ужас, — к вам бегу я.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Пентесилея. Труп Ахилла, покрытый красным ковром. Протоэ и прочие.)

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Смотрите же, смотрите! Вон, идет,
 Ужасная, увенчана крапивой,
 И с ней боярышника стеблей тощих,
 Как лавр, вплела себе. Идет за трупом,
 Привесив лук торжественно, но гнусно,
 Как будто смертный враг сражен был ею!

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

О, эти руки!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Отвернитесь, девы!

ПРОТОЭ

(падая на грудь верховной жрицы).

О, мать моя!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(с отвращением).

Диану призываю,—

Я не виновна в этом мерзком деле.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Становится перед верховной жрицей.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Кивает ей, смотрите!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Дочь Гадеса!

Прочь, гнусная! Сокройся! Покрывало

Возьмите это, и ее покройте.

(Срывает с себя покрывало и швыряет его царице в лицо).

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

О, словно труп живой, она недвижна!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Кивает головой...

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Кивнула снова...

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Кивает вниз, глядит под ноги жрицы.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Смотрите!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

От меня чего ты хочешь?

Ступай к воронам, призрак! Прочь! Исчезни!

Твой взгляд всю радость жизни убивает.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Ну, поняли ее.

АМАЗОНКИ.

Теперь спокойна.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Пелида надо, так она хотела,

К ногам верховной жрицы положить.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Но почему к ногам верховной жрицы?

ЧЕТВЕРТАЯ АМАЗОНКА

Что думает она?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Что это значит?

Что значит труп передо мной? Пусть горы

Непроходимые его покроют

И вместе память о твоём деянии!

Людских имен не стоишь ты! Иль скажешь,

Что я тебя на ужас тот подвигла?

Когда из нежных уст любви исходит
Приказ к свирепостям, то пусть примчатся
К нам фурии нас кротости учить.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

И все, и все она глядит на жрицу!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

В лицо ей прямо.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Пристально и твердо,
Как бы насквозь ее увидеть хочет.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Иди, Протоэ, я прошу тебя,
Веди ее, — быть с нею не могу я.

ПРОТОЭ

(плача).

О, горе мне!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Решись!

ПРОТОЭ

Ее деянье
Чрезмерно гнусно; дай мне здесь остаться.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

Утешься. Вспомни мать ее. Иди же,
Ей помоги, и уведи ее.

ПРОТОЭ

Нет, не хочу ее я больше видеть!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Рассматривает тонкую стрелу!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Вертит ее и крутит!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Измеряет!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА

Не эта ли стрела его сразила?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

Да, верно.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Как от крови очищает!
Как пятна все до одного стирает!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Что думает она при этом?

ВТОРАЯ АМАЗОНКА

Перья

Стрелы как гладит, крутит, как ласкает!
Так бережно! Вот, все теперь в порядке.
О, посмотрите ж!

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Так она всегда?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА

И прежде так же было?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Лук и стрелы

Своими чистила руками часто.

ВТОРАЯ ЖРИЦА.

О, чтитла их, уж что и говорить!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Теперь с плеча колчан она снимает,
Стрелу в свое обратно ставит ложе.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА

Теперь готова.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА.

Сделала уж все.

П Е Р В А Я Ж Р И Ц А.

Теперь опять на мир она взирает.

М Н О Г И Е Ж Е Н Щ И Н Ы

(сразу).

О, скорбный взор! Недвижный, как пустыня
Песчаная, бестравная навеки!
Сады, сожженные горячей лавой,
Извергнутой из жарких недр земли
На все цветения ее же лона,
Яснее все же, чем ее лицо.

(Пентесилея сотрясается вся вдруг от ужаса, роняет лук).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.
 О, страшная!

ПРОТОЭ
 (в испуге).
 Ну, что еще случилось?

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА
 Из рук ее упал на землю лук!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА
 Колеблется!

ЧЕТВЕРТАЯ АМАЗОНКА
 Звенит, кружит, упал!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА
 Трепещет на земле.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА
 И умирает,
 Как-будто родила его Танаис.
 (Пауза).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА
 (внезапно обращаясь к Пентесилее).
 Прости меня, великая царица!
 Диана вечная тобой довольна,—
 Ты укротила снова гнев ее.
 И основательница царства женщин,
 Великая Танаис, утверждаю,
 Свой лук достойней не употребила б.

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА
 Молчит.

ВТОРАЯ АМАЗОНКА
 Глаза раскрыты.

ТРЕТЬЯ АМАЗОНКА
 Поднимает
 Окровавленный палец. О, смотрите!

ВТОРАЯ АМАЗОНКА
 О, этот взор! Как нож, он сердце ранит!

ПЕРВАЯ АМАЗОНКА
 Гляди, слезу смахнула.

ВЕРХОВНАЯ Ж Р И Ц А
 (снова припадая на грудь Протоэ).
 О Диана!

Что за слеза!

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

О, это — та слеза,
 Что в грудь людскую падает глубоко,
 И бьет во все набаты чувств земных,
 И восклицает: „Горе! горе!“ чтобы
 Весь род ее, легко подвижный, хлынул
 Из глаз и, в озера собравшись, гибель
 Ее души оплакивал бы там.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(с горечью).

Так вот, не хочет ей помочь Протоэ,
 И здесь она должна с тоски погибнуть.

ПРОТОЭ

(борется с собою . Затем приближается к царице, и прерывистым
 от слез голосом):

Не хочешь ли прилечь, моя царица!
 Приди на верной груди отдохнуть.
 Ты в этот страшный день сражалась долго,
 Страдала много, — от страданий многих
 Приди на верной груди отдохнуть.

(Пентесилея озирается, словно ища где сесть).

ПРОТОЭ.

Несите ж ей... вы видите, устала...

(Амазонки подкатывают камень. Пентесилея опускается на него.
 Протоэ держит ее за руку. Затем садится и Протоэ).

ПРОТОЭ.

Меня узнала, милая?

(Пентесилея смотрит на нее, и взгляд ее слегка оживляется).

ПРОТОЭ.

Протоэ,
 Которая тебя так нежно любит.

(Пентесилея нежно гладит ее щеки).

ПРОТОЭ.

Перед тобой склониться сердце жаждет
 И хочет слез...

(Целует царицыну руку).

Твое, Фания! Тэрпи! Живо, сестры!
И голову, и шею ей покроем,—
Так, так! Теперь на место поведем.

(Покрывает царицу, помогает ей сесть и крепко прижимает к груди).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что я?..

ПРОТОЭ.

Все хорошо. Иль нет?

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(шепчет).

Прекрасно.

ПРОТОЭ.

Родная! Милая! О, жизнь моя!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Уж я в Элизиуме? Да? Скажите!
Ты — не одна ль из вечно-юных нимф,
Которые царице чтимой служат,
Когда она, окружена дубравным
Шептаньем тихим, в грот хрустальный сходит?
И, чтоб меня порадовать, ты облик
Моей Протоэ милой приняла?

ПРОТОЭ.

Нет, славная моя царица, нет же.
Здесь я, твоя Протоэ, что тебя
В объятьях держит; то, что здесь ты видишь,
То — мир еще наш бренный, на который
Лишь издалека вечные взирают.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так, так. Ну, что же, хорошо. Что ж делать!

ПРОТОЭ.

Что, госпожа моя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Да, я довольна.

ПРОТОЭ.

Любимая, тебя нам не понять.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Живу, и рада. Отдохнуть мне дайте.

(Пауза).

МЕРОЭ.

Как странно!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.
Что за странный оборот!

МЕРОЭ.
Когда бы выпытать ее искусно!

ПРОТОЭ.
Но что же вызвало в тебе виденье,
Что ты уже спустилась в царство теней?

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(после паузы, судорожно).
Так хорошо мне, сестры, так блаженно!
Смотри, Диана, к смерти я созрела!
Хоть и не знаю, что со мной здесь было,
Но умереть могу я, твердо веря,
Что здесь Пелида победила я.

ПРОТОЭ
(тихо верховной жрице).
Теперь скорей бы труп убрать!

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(быстро приподнимаясь).
Протоэ!
Ты с кем?..

ПРОТОЭ
(так как обе уносящие все еще медлят).
Скорей, безумные!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.
Диана!

Так это правда?
ПРОТОЭ.
Милая, о чем ты?

Сюда! Сдвигайтесь!
(Делает знак жрицам закрыть своими телами поднятый труп).

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(радостно подносит руки к лицу).
О, святые боги!
Мне духу не хватает оглянуться.

ПРОТОЭ.
Что ты задумала? Что думаешь, царица?

ПЕНТЕСИЛЕЯ
(оглядываясь).
Ты притворяешься.

ПРОТОО.

Клянусь я Зевсом,
Владыкой вечным в небесах!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(с возрастающим нетерпением).

О девы,

Так не толпитесь!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(вмешиваясь в толпу женщин, тесно окружающих труп).

Милая царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(поднимаясь).

Диана! Почему нельзя? Богиня!

Уже стоял он за моей спиной.

МЕРОЭ.

Смотрите! В ужасе она!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(амазонкам, несущим труп),

Постойте!

Что вы несете? Знать желаю я.

(Пробивается сквозь толпу женщин к трупу).

ПРОТОО.

Не спрашивай, о, милая царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Здесь он, о девы? Это — он?

ОДНА ИЗ НЕСУЩИХ

(опуская труп).

О ком ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Возможно это, я признать готова.

Да, ласточке могу подбить крыло я,

Чтоб можно было вылечить крыло;

Оленя стрелами гоню я в рошу.

Но у стрелка коварное искусство,

И если выстрел метить в сердце счастья,

То боги злобные направят нашу руку.

Попала я так метко? Это он?

ПРОТОО.

Олимпа грозной силой заклинаю,

Не спрашивай.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

О, если б эти раны
Зияли мне навстречу адской пастью,
Я все-таки хочу их видеть.

(Поднимает ковер).

Кто же

Из вас, ужасные, свершил все это?

ПРОТОЭ.

Не знаешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Артемиды! О святая!

Теперь твое дитя совсем погибло!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Вот упадет сейчас!

ПРОТОЭ.

О боги, боги!

Зачем отвергла ты мои советы!

Несчастливая, тебе бы лучше было

С рассудком, погруженным в тусклый сумрак,

Скитаться всюду вечно, вечно, вечно,

Чем этот страшный день увидеть ныне!

Любимая, послушай!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О царица!

МЕРОЭ.

Разделят скорбь твою десятки тысяч!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Бодрее будь!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(почти оправившись).

Кровавых роз избыток!

Венок из ран на голове Пелиды!

На празднестве червей завянут почки,

Что свежий дух могилы разливают!

ПРОТОЭ

(нежно).

И все ж любимую надет венок!

МЕРОЭ.

Но слишком крепко.

ПРОТОЭ.

Терниями розы

Вонзила, чтобы вечен был венок.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Уйди!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Лишь это я хочу узнать,
Которая ж глумилась так безбожно!
Уж не спрошу я, кто сразил живого,
Клянусь в том вечно юными богами!
Она уйдет свободнее, чем птица.
Но кто убитого убил, спрошу,
И дай на это мне ответ, Протоэ!

ПРОТОЭ.

Как, госпожа моя?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пойми меня, —
Я не хочу знать, кто из этой груди
Похитил искру Прометея. Просто
Я не хочу, и все, — таков мой нрав:
Простится это ей, бежать позволю.
Но кто, Протоэ, в этом грабеже
Кощунственно избег открытых входов,
Сквозь стены снежно-белых алебастров
Ворвавшись в храм; кто юного героя
И полубога так обезобразил,
Что жизнь и тление уже не спорят
Из-за него; что состраданье даже
Не плачет, и бессмертная любовь
Сама, подобно женщине продажной,
Неверной в смерти, лик свой отвращает?
Вот ей хочу я метить. Ну, говори же!

ПРОТОЭ

(верховой жрице).

Что я могу безумной возразить?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ну что ж, услышу я?

МЕРОЭ.

Моя царица,
О, если облегчится скорбь твоя
Возмездием, когда ты мщенья хочешь,
То здесь мы все стоим, казни любую.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пожалуй, скажут, я виновна в этом?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА

(боязливо).

А кто ж, несчастная, когда не ты?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ты — дьяволица в светлом одеянии,
Ты смеешь?..

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Я Диану призываю!

В толпе тебя обставшей, кто не скажет,—
Спроси! — твоя стрела его настигла.
И если бы — о небо! — лишь стрела!
Когда упал он, на него в смятеньи
Рассудка дикого напала ты
Со всеми псами вместе и терзала,—
Мои уста трепещут произнести,
Что ты свершила. Нет, молчи! Уйдем.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пусть это мне сперва Протоэ скажет.

ПРОТОЭ.

Не спрашивай, о, милая царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Что? Я? Его? С моими псами вместе?...
Руками слабыми моими я?..
И этим ртом, созревшим для лобзаний?
Но для того ль я создана, чтоб друга?..
Они бы весело друг другу помогали,
Уста и руки, руки и уста?

ПРОТОЭ.

О, милая царица!

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Горе, горе!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Нет, слушайте, вы мне не доказали,
И если б молния во тьме чертила,
И громовой раскат мне повторил,
То я обоим крикнула бы: лжете!

МЕРОЭ.

Ну что же, в это верь как в твердость гор,
Не мы в тебе разрушим эту веру.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Но как же, как же он не защищался?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Любил тебя, несчастная, он! Пленным
Хотел тебе отжаться, вот и вышел,
Затем и к бою вызвал он тебя!
Пришел он, полный сладких упований,
Чтоб за тобой итти во храм Дианы.
А ты...

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Так, так.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Сразила.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Растерзала.

ПРОТОЭ.

Царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Или иначе то было?

МЕРОЭ.

Ужасная!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Зацеловала?

ПЕРВАЯ ЖРИЦА.

Небо!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Зацеловала? Нет? Терзала? Что же?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Увы! скажу тебе. Беги, царица,
Пусть тебя сокроет вечный мрак!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ошибка то. Лобзанье и терзанье
Рифмуют. Кто сердечно, верно любит,
Одно принять сумеет за другое.

МЕРОЭ.

О боги, помогите.

ПРОТОЭ

(схватывает ее).

Прочь!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Пустите!

(Сбрасывает покрывало и опускается на колени перед трупом).

Несчастнейший из мужей, ты простишь мне!
 Напрасно я дала обет Диане,
 Над быстрыми устами я не властна.
 Теперь скажу я просто, что хотела:
 Тебя любила. Больше ничего.
 (Целует его).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Ведите прочь!

МЕРОЭ.

Здесь нечего ей делать.

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Как часто, обнимая шею друга,
 Она твердит: люблю тебя так сильно,
 Что от любви и с'есть тебя готова.
 И только скажет, глупая, постигнет
 Весь смысл, и уж сыта до отвращения.
 Тебя, любимый, я не обманула.
 Смотри: от слова и до слова точно,
 Тебя обнявши, все я совершила.
 Не столь безумна я, как то казалось.

МЕРОЭ.

Ужасная, что говорит.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Возьмите

Ее! Ведите же!

ПРОТОЭ.

Пойдем, царица!

ПЕНТЕСИЛЕЯ

(дает себя поднять).

Да, да, иду.

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Пойдешь ты с нами?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

С вами? Нет.

Ступайте в Фемискиру, наслаждайтесь,
 Коль можете, там счастьем...
 Желая счастья больше всех Протоэ...
 И всем вам...
 И... доверяю вам, но чтоб никто не слышал,
 Прах Танаис, — развеите ветром.

ПРОТОЭ.

А ты, моя родная?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Я-го?

ПРОТОЭ.

Ты!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Тебе скажу, Протоэ, — от закона
Наездниц отрекаюсь я
И следую за юношей Пелидом.

ПРОТОЭ.

Что говоришь, царица?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Горе, горе!

ПРОТОЭ.

Ты хочешь?

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

Думаешь?

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Конечно!

МЕРОЭ.

Небо!

ПРОТОЭ.

Так дай тебе сказать, моя родная...
(Хочет отнять у нее кинжал).

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Ну, что ж? Чего за поясом ты ищешь?

Так. Погоди, не сразу поняла.

На, вот кинжал.

(Вынимает кинжал из-за пояса и передает его Протоэ).

И стрелы хочешь тоже?

(Снимает с плеч колчан).

Вот высыплю тебе я весь колчан.

(Вытряхивает стрелы).

Хотя, пожалуй было бы прекрасно...

(Подбирает некоторые из них).

Вот эта? Или нет? Вот эта?

Да, эта! Правда, все равно! Возьми!

Возьми себе все стрелы!

(Собирает весь колчан и снова отдает его Протоэ).

ПРОТОЭ.

Дай сюда!

ПЕНТЕСИЛЕЯ.

Теперь я в глубину души спускаюсь,
 Как в шахту. Там, холодное железо,
 Я чувство нахожу уничтоженья.
 Его очищу пламенем тоски,
 И сталь скую, и напитаю ядом
 Раскаянья, насквозь горчайшим ядом.
 На вечной наковальне упований
 Я заострю, я отточу кинжал,
 И этому кинжалу грудь подставлю.
 Так! Так! Еще! Ну вот и хорошо!
 (Падает и умирает).

ПРОТОЭ

(подхватывая царицу).

Скончалася!

МЕРОЭ.

За ним пошла.

ПРОТОЭ.

Ей благо!

Здесь на земле ей не было уж места!
 (Кладет ее на землю).

ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА.

О, бренное создание — человек!
 Лежит, — а как еще она недавно
 Парила гордо на вершинах жизни!

ПРОТОЭ.

Цвела так гордо, потому и пала.
 Выносит бурю омертвелый дуб,
 Но крепкий буря сломит и повалит,
 Вцепившись в роскошную вершину.

КОНЕЦ.

Перевели с немецкого

Ф. Сологуб и А. Чеботаревская.